

Жюль Верн

Таинственный остров

Перевод с французского
Михаила Салье

ФТМ

Жюль Верн

Таинственный остров

«ФТМ»

1875

Верн Ж. Г.

Таинственный остров / Ж. Г. Верн — «ФТМ», 1875

ISBN 978-5-4467-1303-5

Во времена гражданской войны в США пятеро смельчаков-северян спасаются от плена на воздушном шаре. Страшная буря выбрасывает их на берег необитаемого острова. Отвага и таланты новых поселенцев острова помогают им обустроить свою жизнь, не испытывая нужды ни в еде, ни в одежде, ни в тепле и уюте. Мирное пребывание «робинзонов» на острове нарушает угроза нападения пиратов, но какая-то таинственная сила помогает им в самых сложных ситуациях.

ISBN 978-5-4467-1303-5

© Верн Ж. Г., 1875

© ФТМ, 1875

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	9
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	23
Глава VI	28
Глава VII	32
Глава VIII	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Жюль Верн

Таинственный остров

Часть первая

Потерпевшие крушение

Глава I

Ураган 1865 года. – Крики в воздухе. – Смерч уносит воздушный шар. – Оболочка лопа-
ется. – Кругом вода. – Пять пассажиров. – Что происходит в корзине. – Земля на горизонте. –
Развязка.

- Мы поднимаемся?
  - Нет! Напротив! Мы опускаемся!
  - Хуже того, мистер Сайрес: мы падаем!
  - Выбросить балласт!
  - Последний мешок только что опорожнен!
  - Поднимается ли шар?
  - Нет!
  - Я как будто слышу плеск волн!
  - Корзина – над водой!
  - До моря не больше пятисот футов¹!
- В воздухе раздался властный голос:
- Все тяжелое за борт! Все!..

Эти слова слышались над безбрежной пустыней Тихого океана 23 марта 1865 года, около
четырех часов дня.

Все, разумеется, помнят жестокую бурю, разразившуюся в этом году во время рав-
ноденствия. Барометр упал до 710 миллиметров. Страшный норд-ост дул, не утихая, с 18
по 26 марта. Он произвел невиданные опустошения в Америке, Европе и Азии, на территории
в тысячу восемьсот миль – между тридцать пятой параллелью северной широты до сороковой
южной параллели.

Разрушенные города, вырванные с корнем леса, берега, опустошенные нахлынувшими
горами воды, сотни кораблей, выброшенных на берег, целые области, разоренные смер-
чем, все сметавшим на своем пути, тысячи людей, раздавленных на суше или поглощенных
водой, – вот последствия этого неистовствовавшего урагана. Он произвел больше опустоше-
ний, чем бури, уничтожившие Гавану и Гваделупу 25 октября 1810 года и 26 июля 1825 года.

В то самое время, когда на суше и на воде происходило столько ужасных бедствий, в воз-
духе разыгрывалась не менее страшная драма.

Аэростат, уносимый смерчем, вертелся в бешеном вихре, словно маленький шарик.
Непрестанно крутясь в воздушном водовороте, он несясь вперед со скоростью девяноста миль²
в час.

Под нижней частью шара качалась корзина с пятью пассажирами, едва видимыми
в густых, пропитанных водяной пылью облаках, нависших над самым океаном.

---

¹ Фут – около 30 сантиметров.

² Или 166 километров (46 метров в секунду).

Откуда взялся этот шар – беспомощная игрушка страшной бури? В какой точке земли поднялся он на воздух? Он не мог, разумеется, пуститься в путь во время урагана. А ураган длился уже пятый день. Значит, шар примчался откуда-то издалека. Ведь в сутки он пролетал не менее двух тысяч миль.

Во всяком случае, его пассажиры не имели возможности определить пройденное ими расстояние. Им не на что было ориентироваться. Это покажется удивительным, но они даже не чувствовали уносившего их страшного ветра. Перемещаясь и кружась в воздухе, они не ощущали вращения и движения вперед. Их взгляды не могли пронизать густого тумана, обволакивавшего корзину. Все вокруг было окутано облаками, такими плотными, что трудно было сказать, ночь ли сейчас или день. Ни луч света, ни шум населенного города, ни рев океана не достигали ушей воздухоплателей, пока они держались на большой высоте. Лишь быстрый спуск открыл аэронавтам, какой опасности они подвергаются.

Воздушный шар, освободившись от тяжелых предметов – снаряжения, оружия и провизии – вновь поднялся в верхние слои атмосферы, достигнув высоты в четыре с половиной тысячи футов. Пассажиры его, услышав под собою плеск волн, решили, что наверху безопасней, чем внизу, и, не колеблясь, сбросили за борт даже самые необходимые вещи, всячески стараясь сберечь каждую частичку газа летательного снаряда, поддерживающего их над бездной.

Прошла ночь, полная тревог; она могла бы сломить людей, более слабых духом. И, когда снова настал день, ураган как будто начал стихать. С утра 24 марта появились признаки успокоения. На заре облака, уже более редкие, поднялись выше. Через несколько часов смерч совсем утих. Ветер из бурного сделался «очень свежим», и скорость перемещения воздушных потоков уменьшилась вдвое. Это все еще был «бриз на три рифа», как говорят моряки, но все-таки погода стала гораздо лучше. К одиннадцати часам нижние слои атмосферы почти очистились от облаков. Воздух был пропитан прозрачной сыростью, которую чувствуешь и даже видишь после сильных бурь. Ураган, видимо, не распространился дальше на запад. Он как будто сам себя уничтожил. Может быть, после прохождения смерча он рассеялся в электрических разрядах, подобно тайфунам в Индийском океане. Но к этому времени стало заметно, что аэростат снова медленно и непрерывно опускается. Газ мало-помалу уходил, и оболочка шара удлинялась и растягивалась, приобретая яйцевидную форму.

Около полудня шар находился на высоте всего лишь двух тысяч футов над водой. Он имел объем пятьдесят тысяч кубических футов и благодаря такой вместимости мог долго держаться в воздухе, либо поднимаясь вверх, либо перемещаясь в горизонтальном направлении.

Чтобы облегчить корзину, пассажиры ее выбросили за борт последние запасы провизии и даже мелкие вещи, находившиеся у них в карманах.

Один из воздухоплателей, взобравшись на обруч, к которому были прикреплены концы сетки, старался, как можно крепче связать нижний выпускной клапан шара.

Становилось ясно, что шар больше нельзя удержать в верхних слоях воздуха. Газ уходил!

Итак, аэронавты должны были погибнуть...

Если бы они находились над материком или хотя бы над островом! Но вокруг не было видно ни клочка земли, ни одной мели, на которой можно было бы укрепить якорь.

Под ними расстилался безбрежный океан, где все еще бушевали огромные волны. На сорок миль в окружности не было видно границ водной пустыни, даже с высоты, на которой они находились. Беспощадно подстегиваемые ураганом, волны в какой-то дикой скачке неслись друг за другом, покрытые белыми гребешками. Ни полоски земли в виду, ни корабля... Итак, нужно было во что бы то ни стало приостановить снижение, чтобы аэростат не упал в воду. Этой цели, по-видимому, и стремились достигнуть пассажиры корзины. Но, несмотря на все их усилия, шар непрерывно опускался, продолжая в то же время стремительно нестись по направлению ветра, – то есть с северо-востока на юго-запад.

Положение несчастных воздухоплателей было катастрофическое. Аэростат, очевидно, не подчинялся более их воле. Попытки замедлить его падение были обречены на неудачу. Оболочка шара все более и более опадала. Утечку газа нельзя было задержать никакими средствами. Шар опускался все быстрее и быстрее, и в час дня между корзиной и водяной поверхностью оставалось не более шестисот футов. Водород свободно уходил в отверстие оболочки шара.

Освободив корзину от ее содержимого, воздухоплателям удалось несколько продлить свое пребывание в воздухе. Но это означало лишь отсрочку неминуемой катастрофы. Если до наступления ночи земля не появится, пассажиры, аэростат и корзина навеки исчезнут в волнах океана.

Оставался один способ спасения, и воздухоплатели воспользовались им. Это, видимо, были энергичные люди, умевшие смотреть смерти в лицо. Ни одной жалобы на судьбу не сорвалось с их губ. Они решили бороться до последней секунды, сделать все возможное, чтобы задержать падение аэростата. Его корзина представляла собой нечто вроде ящика из ивовых прутьев и была неспособна держаться на волнах. В случае падения она неминуемо должна была утонуть.

В два часа дня аэростат находился на высоте каких-нибудь четырехсот футов.

И в эту минуту раздался мужественный голос человека.

Ему отвечали не менее решительные голоса.

– Все ли выброшено?

– Нет. Остались еще деньги – десять тысяч франков золотом.

Тяжелый мешок тотчас же полетел в воду.

– Поднимается ли шар?

– Да, немного, но он сейчас же снова опустится!

– Можно еще что-нибудь выбросить?

– Ничего.

– Можно. Корзину! Уцепимся за веревки! В воду корзину!

В самом деле, это было последнее средство облегчить шар.

Канаты, прикрепляющие корзину к шару, были перерезаны, и аэростат поднялся на две тысячи футов. Пассажиры забрались в сеть, окружающую оболочку, и, держась за веревки, смотрели в бездну.

Известно, как чувствительны воздушные шары ко всякому изменению нагрузки. Достаточно выбросить из корзины самый легкий предмет, чтобы шар тотчас же переместился по вертикали. Аэростат, плавающий в воздухе, ведет себя с математической точностью. Понятно поэтому, что если облегчить его от значительной тяжести, он быстро и внезапно поднимется. Это и произошло в данном случае.

Но, покачиваясь, некоторое время в верхних слоях воздуха, шар снова начал опускаться. Газ продолжал уходить в отверстие оболочки, которое невозможно было закрыть.

Воздухоплатели сделали все, что было в их силах. Ничто уже не могло их спасти. Им оставалось рассчитывать только на чудо.

В четыре часа шар был на высоте всего лишь пятисот футов. Внезапно раздался звонкий лай.

Воздухоплателям сопутствовала собака. Она вцепилась в петли сетки.

– Топ что-то увидел! – закричал один из аэронавтов.

И сейчас же другой громко крикнул:

– Земля! Земля!

Воздушный шар, который все время несся на юго-запад, покрыл с утра расстояние во много сотен миль, и на горизонте действительно появилась гористая полоса земли. Но до этой земли оставалось еще миль тридцать. Чтобы достигнуть ее, если шар не отнесет

в сторону, нужно лететь, по крайней мере, час. Целый час!.. А вдруг шар в это время потеряет весь оставшийся в оболочке водород?

В этом был весь ужас положения: воздухоплаватели ясно видели берег, которого надо достигнуть, во что бы то ни стало. Они не знали, остров это или материк; им не было даже известно, в какую часть света занесло их бурей. Но до этой земли, обитаема она или нет, гостеприимна или сурова, необходимо еще добраться!

Однако скоро стало ясно, что аэростат не может больше держаться в воздухе. Он летел над самой водой. Высокие волны уже не раз захлестывали сетку, увеличивая этим ее тяжесть. Шар накренился набок, точно птица с подстреленным крылом. Полчаса спустя шар находился на расстоянии не больше мили от земли. Опустошенный, обвисший, растянутый, весь в крупных складках, он сохранил лишь немного газа в верхней части оболочки.

Пассажиры, цеплявшиеся за сетку, стали для него слишком тяжелы и вскоре, очутившись по пояс в воде, должны были бороться с бушующими волнами. Оболочка шара легла на воду и, раздувшись, как парус, поплыла вперед, подгоняемая ветром. Быть может, она достигнет берега!

До земли оставалось всего два кабельтовых³, когда раздался страшный крик, вырвавшийся одновременно как бы из одной груди. В шар, которому, казалось, уже не суждено было подняться, ударила огромная волна, и он сделал неожиданный прыжок вверх. Словно еще более облегченный от груза, аэростат поднялся на тысячу пятьсот футов и, попав в боковой воздушный поток, полетел не прямо к земле, а почти параллельно ей... Две минуты спустя он приблизился к этой полоске суши и упал на песчаный берег. Волны не могли уже его достать. Пассажиры шара, помогая друг другу, с трудом высвободились из веревочной сети. Облегченный шар снова подхватило ветром, и он исчез вдали, словно раненая птица, к которой на мгновение вернулась жизнь.

В корзине были пять пассажиров и собака. А на берегу оказалось только четыре человека. Их пятого спутника, видимо, унесла волна, обрушившаяся на сетку шара. Это и позволило облегченному аэростату в последний раз подняться на воздух и несколько мгновений спустя достигнуть земли. Едва четверо потерпевших крушение – а их вполне можно так назвать – почувствовали под ногами твердую землю, как тотчас же закричали, думая об отсутствующем товарище:

– Быть может, он попытается достигнуть берега вплавь! Спасем его! Спасем его!

---

³ Кабельтов – морская мера длины, равная почти 200 метрам.

Глава II

Эпизод из гражданской войны в Америке. – Инженер Сайрес Смит. – Геден Спилет. – Негр Наб. – Моряк Пенкроф. – Юноша Герберт. – Неожиданное предложение. – Свидание в десять часов вечера. – Отъезд в бурю.

Люди, выброшенные на берег, не были ни воздухоплавателями по профессии, ни любителями воздушных прогулок. Это были отважные военнопленные, которым при исключительных обстоятельствах удалось бежать. Сто раз они могли погибнуть. Сто раз их поврежденный воздушный шар мог оказаться с ними в море. Но их ждала необыкновенная судьба. Поднявшись 20 марта из Ричмонда, осажденного войсками генерала Гранта⁴, они находились теперь в семи тысячах миль от этого города, столицы штата Виргиния, главной крепости южан⁵ во время страшной междоусобной войны. Они пробыли в воздухе пять дней. Побег этих пленников, побег, которому суждено было закончиться уже известной нам катастрофой, произошел при следующих любопытных обстоятельствах.

В феврале 1865 года, во время одной из смелых, но неудачных попыток генерала Гранта захватить Ричмонд, несколько его офицеров попали в руки неприятеля и оказались пленниками в городе. Одним из наиболее выдающихся среди них был инженер по имени Сайрес Смит.

Сайрес Смит, уроженец Массачусетса, был и первоклассным ученым. Правительство Соединенных Штатов поручило ему во время войны управление железными дорогами.

Это был худой, костлявый и сухопарый человек, с коротко остриженными седеющими волосами и густыми усами. Ему было около сорока пяти лет. Его характерная голова со сверкающими глазами и редко улыбающимся ртом – голова ученого и практика – напоминала изображение на древней медали или монете.

Сайрес Смит был одним из тех инженеров, которые в начале своей карьеры сами работали киркой или молотом, подобно генералам, начавшим военную службу рядовыми. Наряду с изобретательным умом он обладал и ловкими руками; мускулы его отличались редкой неутомимостью. Человек мысли и действия, он работал без напряжения, полный жизненной силы и неослабной настойчивости, не отступающей ни перед чем. Образованный, практичный, как говорится, «оборотистый», Сайрес Смит при любых обстоятельствах всегда владел собой.

Вдобавок ко всему, Сайрес Смит был храбр. В междоусобной войне он участвовал во всех битвах. Начав службу под начальством генерала Гранта, он сражался в числе волонтеров от штата Иллинойс при Падуке, Бельмонте, Питтсбург-Лэндинге, участвовал в осаде Коринфа, в битве при Порт-Гибсоне, при Блэк-Ривер, при Чаттануге, при Уилдернессе и в бою на реке Потомак. Он походил на своего генерала, который говорил: «Я никогда не считаю своих убитых».

Сотни раз мог бы Сайрес Смит оказаться в числе тех, кого не хотел пересчитывать грозный Грант. Но, хотя он не щадил себя, судьба неизменно ему покровительствовала – до того дня, когда он был ранен и взят в плен в битве под Ричмондом.

В один день и час с Сайресом Смитом попал в руки южан и другой северянин. Это был не кто иной, как почтенный Геден Спилет, корреспондент газеты «Нью-Йорк Геральд», которому было поручено сопровождать Северную армию и давать сообщения о ходе войны. Геден Спилет принадлежал к той удивительной породе английских и американских журна-

---

⁴ Генерал Грант (1822–1885) был главнокомандующим армией Севера. Он командовал полками волонтеров, состоявшими из рабочих и западных фермеров, решивших судьбу войны. После окончания Гражданской войны Грант был военным комиссаром республиканского правительства одного из пяти военных округов на Юге. В 1869–1877 годах Грант был выбран президентом.

⁵ Война Севера и Юга (отсюда – южане и северяне) – Гражданская война 1861–1865 годов в Северной Америке. Северяне боролись за освобождение негров, южане были сторонниками рабства. Война окончилась 26 мая 1865 года победой северян.

листов, которые ни перед чем не отступают, когда хотят получить точные сведения и в кратчайший срок сообщить их своей редакции. Этот человек отличался незаурядными достоинствами: решительный, энергичный, готовый ко всему, всегда находчивый, побывавший везде и всюду, солдат и художник одновременно. Он всегда мог дать хороший совет, не знал колебаний, не считался с опасностью, трудами и усталостью, когда предстояла возможность узнать что-нибудь новое – сначала для себя, а потом для своей газеты.

Неутомимый охотник за неизвестными, не опубликованными еще новостями, способный на невозможное, он был одним из тех неустрашимых наблюдателей, которые могут писать под градом пуль, набрасывая заметки среди рвущихся снарядов. Всякая опасность была ему желанной.

Как и Сайрес Смит, Геден Спилет не пропустил ни одной битвы и неизменно шел в первых рядах, с револьвером в одной руке и блокнотом – в другой. Карандаш ни разу не дрогнул в его пальцах. Он не загружал проводов телеграфа бесконечными депешами, как те, которые пишут и тогда, когда писать нечего, но каждое его сообщение, краткое, ясное, определенное, всегда освещало какой-нибудь важный вопрос. Не было чуждо ему и чувство юмора.

Именно он, после боя у Блэк-Ривер, чтобы не потерять место у окошечка телеграфа и первым сообщить в свою газету результат сражения, два часа подряд диктовал телеграфисту первые главы Библии. Это обошлось «Нью-Йорк Геральд» в две тысячи долларов.

Гедену Спилету было не больше сорока лет. Это был высокий мужчина со светлыми, чуть-чуть рыжеватыми бакенбардами и спокойными, живыми, все замечающими глазами. Эти глаза принадлежали человеку, привыкшему сразу схватывать все детали окружающего.

Крепко сколоченный, он закалился благодаря пребыванию во всех климатах, как закаляется клинок от холодной воды. Уже десять лет Геден Спилет был официальным корреспондентом «Нью-Йорк Геральд» и занимал его столбцы не только сообщениями, но и рисунками, ибо он владел карандашом не хуже, чем пером.

Перед тем как его взяли в плен, он был занят описанием и зарисовками боя. Последняя запись в его блокноте гласила: «Один из южан прицелился в меня и промахнулся». Как всегда, Геден Спилет вышел из этого «дела» без единой царапины.

Сайрес Смит и Геден Спилет, которые знали друг друга только по слухам, были доставлены в Ричмонд. Инженер быстро оправился от раны. Выздоровливая, он познакомился со Спилетом, и оба научились ценить друг друга. Их связало желание убежать из плена, присоединиться к армии Гранта.

Смит и Спилет решили воспользоваться первым удобным случаем. Хотя им и было разрешено свободно ходить по городу, бегство казалось невозможным: Ричмонд охранялся слишком строго. Спустя некоторое время к Сайресу Смиту пробрался один из его слуг, преданный ему всей душой. Этот смельчак был негр, родившийся в поместье родных инженера; его мать и отец были рабами, но Сайрес Смит, убежденный сторонник освобождения негров, уже давно дал ему вольную. Получив свободу, бывший раб не захотел расстаться со своим господином, готовый умереть за него. Это был парень лет тридцати, сильный, ловкий, проворный, спокойный, кроткий и сообразительный. Он отличался большой наивностью, услужливостью и добротой и постоянно улыбался. Звали его Навуходоносор, откликался же он на сокращенное Наб.

Когда Наб узнал, что его хозяин взят в плен, то, не колеблясь, покинул Массачусетс, добрался до Ричмонда и благодаря своей ловкости и хитрости сумел, неоднократно рискуя жизнью, проникнуть в осажденный город. Радость Сайреса Смита и восторг Наба, когда они увидели друг друга, не поддаются описанию.

Но если Набу удалось пробраться в Ричмонд, то выйти оттуда было труднее: пленников стерегли очень тщательно. Чтобы предпринять попытку к побегу с некоторой надеждой на успех, нужно было какое-нибудь исключительное обстоятельство. Но такого случая все не представлялось, а создать его было нелегко.

Между тем Грант энергично продолжал действовать. Победа при Питерсбурге обошлась ему дороговато. Соединившись с войсками генерала Батлера, он тем не менее не мог добиться под Ричмондом никаких результатов. Ничто не предвещало близкого освобождения пленников. Журналист, для профессии которого бездеятельная жизнь в Ричмонде не представляла ничего интересного, был вне себя. Его не оставляла одна мысль: выбраться из города любой ценой. Он даже совершил несколько попыток к побегу, но отступил перед непреодолимыми препятствиями.

Осада тем временем продолжалась, и если пленникам не терпелось выйти из города, чтобы присоединиться к войскам Гранта, то некоторые из осажденных тоже стремились покинуть Ричмонд и вступить в ряды Южной армии. В числе последних был некий Джонатан Форстер, явный сторонник сепаратистов⁶. Южане, как и их пленники, не могли выбраться из города, который был обложен войсками. Губернатор Ричмонда уже долгое время не имел возможности сноситься с генералом Ли, а было чрезвычайно важно сообщить последнему о положении дел, чтобы ускорить посылку войск на выручку осажденных. И вот Джонатану Форстеру пришла в голову мысль подняться на воздушном шаре, пролететь над войсками сепаратистов и достигнуть их лагеря. Губернатор дал разрешение реализовать эту попытку. Для Джонатана Форстера был приготовлен воздушный шар. Вместе с пятью спутниками Форстер должен был подняться в воздух. На случай длительного полета или столкновения с неприятелем при посадке членов экспедиции снабдили оружием и продовольствием.

Отлет шара был назначен на 18 марта. Он должен был произойти ночью, и при северо-восточном ветре средней силы воздухоплаватели могли рассчитывать через несколько часов достигнуть главного штаба генерала Ли.

Но этот ветер был не простой бриз. Уже 18-го стало ясно, что он превращается в бурю. Вскоре ураган настолько усилился, что отлет Форстера пришлось отложить. Невозможно было доверить разъяренной стихии воздушный шар и рисковать людьми.

Наполненный газом шар был привязан на центральной площади Ричмонда и мог быть пущен, лишь только ветер утихнет. Но, к великой досаде жителей города, состояние атмосферы оставалось все тем же.

18 и 19 марта погода не изменилась. Державшийся на канатах шар прибивало ветром к земле, и его трудно было сохранить в целости.

Прошла еще ночь. Утром 20-го числа ураган разбушевался еще сильнее. Лететь было невозможно.

В этот день к Сайресу Смиту подошел на улице человек, до тех пор не известный инженеру. Это был моряк по имени Пенкроф, мужчина лет тридцати пяти – сорока, крепко сложенный, загорелый, с живыми, часто мигающими глазами и приятным лицом. Пенкроф был уроженец Северной Америки. Он объехал все моря на свете и пережил все необычайные приключения, какие только могут выпасть на долю существа о двух ногах. Следует добавить, что это был человек весьма предприимчивый, готовый на любой риск и ничему не удивлявшийся. В начале года Пенкроф приехал в Ричмонд по делам вместе с пятнадцатилетним мальчиком, сыном своего капитана, Хербертом Брауном из Нью-Джерси, которого он любил, как родного сына. Не успев выехать до начала осады, они оказались запертыми в городе, к великому огорчению Пенкрофа, который думал лишь об одном – как убежать. Он слышал о Сайресе Смита и знал, как тяготится этот человек пленом. Поэтому Пенкроф, не колеблясь, обратился к Смиты и спросил его без дальнейших околичностей:

– Мистер Смит, вам не надоел Ричмонд?

---

⁶ Сепаратисты – южане, сторонники отделения Южных штатов, в противоположность федералистам-северянам, сторонникам единства Соединенных Штатов.

Инженер пристально посмотрел на человека, обратившегося к нему с таким вопросом. Пенкроф продолжал, понизив голос:

– Мистер Смит, хотите бежать отсюда?

– Когда? – быстро спросил инженер. Это слово вырвалось у него невольно: ведь он не успел даже разглядеть своего собеседника.

Но, всмотревшись проницательным взглядом в честное лицо моряка, Сайрес Смит не усомнился, что имеет дело с порядочным человеком.

– Кто вы? – кратко спросил он. Пенкроф сообщил о себе все необходимое.

– Хорошо, – сказал Сайрес Смит. – Каким же способом вы предлагаете мне бежать?

– На этом дурацком шаре, который болтается здесь без всякого проку. Он как будто только нас с вами и ждет...

Моряку незачем было продолжать. Инженер понял его с первого слова. Он схватил Пенкрофа за руку и повел его к себе.

Придя к Смицу, Пенкроф изложил свой план, оказавшийся очень простым. Чтобы выполнить его, требовалось одно – рискнуть жизнью. Правда, ураган бушевал всюду, но такой смелый и опытный инженер, как Сайрес Смит, наверное, сумеет справиться с аэростатом. Если бы он сам, Пенкроф, знал, как с ним обращаться, то, не колеблясь, пустился бы в путь, разумеется, не один, а с Гербертом. Он и не такие виды выдвигал, и бури его не пугают.

Сайрес Смит выслушал моряка, не проронив ни слова, но глаза его сверкали. Вот наконец удобный случай! Сайрес Смит не таков, чтобы упустить его. Затея Пенкрофа была очень опасна, но все же выполнима. Ночью нужно было обмануть бдительность стражи, пробраться к шару, залезть в корзину и обрезать канаты. Конечно, при этом рискуешь погибнуть, но, с другой стороны, есть и шансы на успех, и если бы не ураган. Но не будь урагана, шар бы уже улетел, и столь долгожданная возможность не представилась бы.

– Но я полечу не один, – добавил Сайрес Смит, заканчивая.

– Сколько же человек вы хотите взять с собой? – осведомился моряк.

– Двоих: моего друга Спилета и Наба, моего слугу.

– Всего, значит, трое, а со мною и Гербертом – пятеро, – сказал Пенкроф. – Шар может поднять шесть человек.

– Прекрасно. Мы летим! – воскликнул Сайрес Смит. Это «мы» как бы обязывало и журналиста. А он был не таков, чтобы отступать перед опасностью, и, когда Сайрес Смит рассказал ему о проекте, Спилет безоговорочно одобрил его. Он удивился лишь тому, что сам не додумался до такого простого способа бегства. Что же касается Наба, то он был готов следовать за своим господином куда угодно.

– Так, значит, до вечера, – сказал Пенкроф – Мы все будем слоняться где-нибудь около шара.

– До десяти вечера, – ответил Смит. – Только бы буря не утихла раньше, чем мы улетим!

Пенкроф простился с инженером и вернулся к себе на квартиру, где оставался юный Герберт Браун. Смелый мальчик был осведомлен о плане моряка и не без волнения ожидал результата его беседы со Смитом. Пять человек, готовые отдаться воле смерчей и бурь, как мы видим, отличались достаточной смелостью. Нет! Ураган не успокоился, и Джонатану Форстеру с его спутниками не приходилось и мечтать о полете. Погода весь день была ужасная. Сейчас Смит боялся лишь одного: как бы шар, привязанный канатами и поминутно прибиваемый ветром к земле, не разорвало на куски. Целыми часами расхаживал инженер по почти опустевшей площади, наблюдая за аэростатом. Пенкроф был тут же; засунув руки в карманы и часто пожевывая, он бродил вокруг шара, словно человек, не знающий, как убить время, и каждую минуту ожидал, что шар лопнет или, чего доброго, сорвется с привязи и исчезнет в воздухе. Наступил вечер. Стояла глубокая тьма. Густой туман висел над самой землей. Шел дождь, смешанный со снегом. Было холодно. Весь Ричмонд окутало туманом. Казалось, буря вынудила воюющих

к перемирию, и пушки почтительно смолкли, внимая страшному реву урагана. Улицы города опустели. В такую погоду, видимо, не было даже нужды охранять площадь, над которой отчаянно бился аэростат. Все благоприятствовало отлету пленников. Но каково будет лететь среди бурь и шквалов?...

«Плохая погодка! – думал Пенкроф, ударом кулака нахлобучивая шляпу, которую ветер пытался сорвать с его головы. – Ну да ничего. Как-нибудь справимся».

В половине десятого Сайрес Смит и его спутники с разных сторон пробирались на площадь. Освещавшие ее газовые фонари задуло ветром, и она была погружена в глубокую темноту. Не виден был даже огромный шар, почти вплотную прикрепленный к земле. Кроме мешков с балластом, привязанных к сетке, корзину удерживал толстый канат, продетый в железное кольцо, вделанное в землю, и прикрепленный к бортам. Пятеро пленников сошлись у корзины. Было так темно, что их не заметили, да и сами они едва видели друг друга.

Ни слова не говоря, Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Наб и Герберт уселись в корзину. Пенкроф, по приказанию инженера, начал отвязывать мешки с балластом. Через несколько минут это было сделано, и моряк присоединился к своим товарищам.

Теперь шар держался только на канате, и Сайресу Смиту оставалось отдать приказ к отлету. В эту минуту в корзину одним махом вскочила собака. Это был Топ, любимец инженера, который оборвал свою цепь и последовал за хозяином.

Сайрес Смит, боясь перегрузить шар, хотел прогнать бедное животное.

– Э, что там, возьмем еще пассажира! – сказал Пенкроф и выбросил два мешка с песком.

Потом он отрезал конец каната, и шар рванулся ввысь.

Ураган бушевал со страшной силой. В течение ночи инженер не мог и думать о спуске, а когда рассвело, земля была закрыта туманом. Лишь через пять дней он слегка рассеялся, и воздухоплаватели увидели под собой безбрежное море. Аэростат продолжал нестись по ветру со страшной скоростью.

Читатель уже знает, что четверо из его пяти пассажиров, вылетевших из Ричмонда 20 марта, были выброшены 24 марта на пустынный берег на расстоянии около семи тысяч миль от их родной страны.

Но кто же был исчезнувший пятый, на помощь которому устремились оставшиеся в живых? Это был инженер Сайрес Смит.

Глава III

Пять часов вечера. – Пропавший. – Наб в отчаянии. – Поиски на севере. – Островок. – Тревожная ночь. – Туманное утро. – Наб кидается вплавь. – Земля в виду. – Вброд через пролив.

Инженер выпал из разорвавшейся сетки и был унесен волной. Его собака тоже исчезла. Верный пес бросился на помощь своему хозяину.

– Вперед! – воскликнул Гедеон Спилет.

И все четверо – Спилет, Герберт, Пенкроф и Наб, забыв усталость, устремились на поиски.

Бедный Наб плакал от ярости и горя, сознавая, что потерял единственного любимого человека.

Между исчезновением Сайреса Смита и высадкой его друзей прошло не более двух минут. Можно было рассчитывать, что его успеют еще спасти.

– Будем искать его! – воскликнул Наб.

– Да, Наб, и мы его найдем, – сказал Гедеон Спилет.

– Живого?

– Да, живого.

– Умеет он плавать? – спросил Пенкроф.

– Конечно, – ответил Наб. – К тому же с ним Топ.

Моряк, слыша страшный рев океана, только покачивал головой. Инженер исчез у северной части берега, примерно в полумиле от того места, где сошли на землю его спутники. Значит, если он достиг ближайшей оконечности суши, его следовало искать не дальше чем в полумиле.

Было около шести часов. Сгустился туман, и стало очень темно. Потерпевшие крушение направились к северу по западному берегу земли, на которую случай выбросил их. Эта земля была им неведома, и они не могли даже приблизительно определить ее географическое положение. Они шли по песчаной, усеянной камнями почве, по-видимому, лишенной всякой растительности. Покрытая неровностями и кочками, земля изобиловала мелкими рытвинами, которые очень затрудняли ходьбу. Из этих впадин поминутно выскакивали большие неуклюжие птицы, плохо видные в темноте, и медленно разлетались в разные стороны. Другие, более проворные, вспархивали стаями и, точно облако, пролетали по небу. Пенкрофу казалось, что это чайки и поморники. Даже шум волн не мог заглушить пронзительных голосов этих птиц.

Время от времени Гедеон Спилет и его спутники останавливались и кричали, прислушиваясь, не раздастся ли ответный зов со стороны океана. Ведь если они находятся недалеко от того места, где инженер мог выйти на берег, то, не будучи даже в состоянии откликнуться, они услышат, наверное, лай Топа. Но никакого крика не было слышно сквозь шум волн и плеск прибоя. И маленький отряд снова двигался вперед, тщательно всматриваясь в каждый уголок побережья.

Прошагав минут двадцать, потерпевшие крушение внезапно увидели перед собой пенящиеся гребни волн. Твердая земля пропала. Гедеон Спилет и его спутники находились на оконечности острой, возвышающейся над океаном стрелки, о которую яростно бились огромные волны.

– Это скалистый мыс, – сказал Пенкроф. – Вернемся назад и будем держаться правой стороны. Тогда мы снова выйдем на материк.

– А вдруг он здесь? – сказал Наб, указывая на океан, покрытый белеющими во мраке барашками волн. – Крикнем еще раз!

И все четверо в один голос громко закричали. Но никто не ответил им. Выждав минуту, когда шум волн немного утих, они крикнули снова. Ответа не было.

Тогда они двинулись обратно, идя по противоположному склону утеса. Почва все еще была песчаная, усеянная камнями. Однако Пенкроф заметил, что берег становится круче, и решил, что утес связан длинной полоской земли с возвышенным побережьем, очертания которого смутно виднелись во мраке. В этой части берега было куда меньше птиц. Море билось не так бурно и беспокойно, и можно было заметить, что волнение в этом месте значительно слабее. Плеск волн был едва слышен. Очевидно, скалистый мыс с этой стороны имел форму полукруглой бухты, и его возвышающаяся оконечность преграждала путь волнам океана. Но при держиваться прежнего направления – значило идти к югу, то есть в сторону, противоположную той, где мог выйти на землю Сайрес Смит. Пройдя еще полторы мили, путники не увидели ни одного изгиба дороги, позволяющего повернуть на север. Однако должен же этот мыс, конец которого они обогнули, быть связанным с материком! Пенкроф и его товарищи, невзирая на усталость, мужественно продолжали двигаться вперед, каждую минуту рассчитывая дойти до поворота, ведущего к северу.

Каково же было их разочарование, когда, пройдя около двух миль, они снова увидели перед собой море и оказались на довольно высоком мысе, покрытом скользкими скалами.

– Мы находимся на островке, – сказал Пенкроф – Мы прошли его из конца в конец.

Утверждение моряка было правильно. Воздухоплаватели были выброшены не на материк и даже не на остров, а на маленький островок протяжением в две мили, по-видимому, не особенно широкий.

Являлся ли этот бесплодный, усеянный камнями островок – пустынное убежище морских птиц – частью более значительного архипелага, этого нельзя было утверждать. Пассажиры воздушного шара, увидев из корзины сквозь туман полосу земли, не могли судить о том, насколько она обширна. Теперь же Пенкроф, который, как истый моряк, хорошо видел в темноте, смутно различал на западе очертания гористого берега. Царящий вокруг мрак не позволял определить, к какой системе островов – простой или сложной – принадлежит клочок земли, на котором находились Спилет и его спутники. Покинуть его было почти невозможно, так как он был окружен морем. Приходилось отложить поиски инженера до утра. К сожалению, ни одним звуком он не дал знать, где находится. Да, там была земля. А земля означала спасение, хотя бы ненадолго. Островок был отделен от берега проливом в полмили шириной, с чрезвычайно быстрым и шумным течением.

В это время один из потерпевших крушение, очевидно, внимая только голосу сердца, не посоветовавшись ни с кем из товарищей, бросился в воды пролива. Это был Наб. Ему не терпелось достигнуть берега и пройти по нему к северу. Никто не мог бы его удержать. Пенкроф позвал его, но напрасно. Гедеон Спилет собирался последовать за Набом.

Пенкроф, подойдя к нему, спросил:

– Вы намерены переплыть этот пролив?

– Да, – ответил Гедеон Спилет.

– Поверьте мне, с этим лучше подождать, – сказал моряк. – Наб и один сможет помочь своему хозяину. Если и мы поплывем по проливу, нас, пожалуй, унесет течением в открытый океан. Если я не ошибаюсь, это течение вызвано отливом. Смотрите, берег начинает выступать из воды. Потерпим немного, и, когда отлив кончится, мы, может быть, найдем брод.

– Вы правы, – ответил журналист. – Будем разлучаться как можно реже.

Между тем Наб плыл наискось, энергично борясь с течением. При каждом взмахе рук его черные плечи показывались над водой. Негра быстро относило в сторону, но он все же приближался к цели. На то, чтобы проплыть полмили, ему понадобилось больше тридцати минут, и он подплыл к берегу в нескольких тысячах футов от того места, против которого бросился в воду.

Наб вышел на сушу у подножия высокой гранитной стены и энергично отряхнулся; потом он быстро побежал и исчез за утесом, который выступал в море примерно против северной оконечности островка.

Товарищи Наба с тревогой наблюдали за смелым негром. Когда Наб скрылся из виду, они обратили взоры на землю, у которой им придется просить приюта. Осматривая ее, они подкрепились несколькими раковинами, лежавшими в песке. Это все же была пища, хотя и скудная.

Противоположный берег имел вид обширной бухты, южная часть которой заканчивалась острым выступом, лишенным всякой растительности и казавшимся совершенно пустынным. Этот выступ соединялся с берегом прихотливо изрезанной полоской земли и примыкал к высоким гранитным утесам. На северной стороне бухта, наоборот, расширялась; берег, более закругленный по очертаниям, тянулся с юго-запада на северо-восток и заканчивался продолговатым мысом. Расстояние между этими двумя крайними точками, на которые опиралась дуга бухты, составляло около восьми миль. В полумиле от берега был расположен островок, похожий на сильно увеличенный остов какого-то огромного китообразного. Поперечник его в самом широком месте не превышал четверти мили.

Побережье против островка было покрыто песком и усеяно черноватыми скалами, которые в эту минуту вследствие отлива постепенно выступали из воды. На втором плане виднелось нечто вроде гранитного вала высотой не менее чем в триста футов, отвесные склоны которого венчал причудливой формы гребень. Этот вал тянулся на расстоянии трех миль и неожиданно обрывался с правой стороны, заканчиваясь срезанной гранью, которая казалась отесанной руками человека. Слева, над мысом, эта стена разветвлялась на множество призматической формы отрогов. Состоявшая из утесов и осыпавшихся камней, она постепенно снижалась, соединяясь продолговатой грядой со скалами южной стрелки. На верхнем плато берега не росло ни единого деревца. Это было обнаженное плоскогорье, вроде того, что возвышается над Капштадтом на мысе Доброй Надежды, но меньшее по своим размерам. Так, по крайней мере, казалось с островка. Зато справа и сзади срезанной грани вала виднелось достаточно зелени. Без труда можно было различить смутные очертания высоких деревьев, сливавшихся в необозримые леса. Эти зеленые заросли радовали глаз, утомленный резкими очертаниями гранитного вала. Наконец на самом заднем плане, выше плато, в северо-западном направлении на расстоянии не меньше семи миль ярко белела вершина, озаренная лучами солнца. Это была снеговая шапка, украшавшая далекую гору.

Невозможно было ответить на вопрос, является ли эта земля островом или частью материка. Но геолог, увидев уродливые скалы, громоздившиеся с левой стороны, не колеблясь, приписал бы им вулканическое происхождение: они, несомненно, являлись продуктом работы подземных сил.

Гедеон Спилет, Пенкроф и Герберт пристально всматривались в этот берег. Там придется им прожить долгие годы, а быть может, и умереть, если их не снимет какой-нибудь проходящий корабль.

– Ну, Пенкроф, что ты скажешь? – спросил Герберт.

– Что скажу? – отвечал моряк. – В этом, как и во всем, есть хорошее и плохое. Увидим, что будет дальше. Но отлив, кажется, становится сильнее. Часа через три мы попробуем переправиться, а когда попадем на тот берег, то постараемся как-нибудь выпутаться и найти мистера Смита.

Пенкроф в своем предвидении не ошибся. Через три часа, при полном отливе, песчаное дно канала почти обнажилось. Островок отделял от берега лишь узкий ручей, который, наверное, нетрудно будет перейти.

Около десяти часов Гедеон Спилет и его товарищи, сняв с себя одежду, связали ее в узлы и, неся их на голове, вошли в ручей, глубина которого не превышала пяти футов. Герберт,

для которого и это было много, плавал, как рыба, и прекрасно справился со своей задачей. Все трое без затруднений достигли противоположного берега. Там солнце их быстро обсушило, и, одевшись, они стали держать совет.

Глава IV

Литодомы. – Устье реки. – Трубы. – Поиски продолжаются. – Хвойный лес. – Заготовка топлива. – В ожидании отлива. – Вид с берега. – Сплавной плот. – Возвращение в Трубы.

Прежде всего журналист условился с Пенкрофом, что тот будет ожидать его возвращения здесь же, и, не теряя ни минуты, быстро пошел по берегу – в ту сторону, куда направился Наб. Вскоре он исчез за поворотом дороги. Ему не терпелось узнать, нет ли новостей о Сайресе Смите.

Герберт хотел было последовать за ним.

– Не ходи, мой мальчик, – сказал Пенкроф. – Нам нужно устроить лагерь и посмотреть, возможно ли здесь найти какую-нибудь более основательную пищу, чем ракушки. Когда наши друзья вернутся, им надо будет подкрепить силы. Каждому – свое дело.

– Я готов, Пенкроф, – ответил Герберт.

– Ну вот и прекрасно, – ответил моряк, – дело пойдет на лад. Будем действовать по плану. Мы устали, замерзли и проголодались. Надо, значит, найти кров, огонь и пищу. В лесу есть дрова, в гнездах есть яйца. Не хватает только дома.

– Я поищу, нет ли в этих скалах пещеры, – сказал Герберт. – В конце концов я, наверное, найду какую-нибудь дыру, куда нам можно будет спрятаться.

– Правильно, – сказал Пенкроф. – В дорогу, мой мальчик!

Они двинулись вдоль стены, по песчаному берегу, значительно обнажившемуся вследствие отлива. Но вместо того чтобы идти к северу, они направились к югу. В нескольких сотнях шагов от того места, где они высадились, Пенкроф заметил узкую расщелину. По его мнению, она должна была служить выходом для реки или ручья. А потерпевшим крушение было важно иметь поблизости питьевую воду. К тому же было вполне возможно, что поток вынес Сайреса Смита в эту сторону.

Как уже сказано, стена имела более трехсот футов высоты, но это был сплошной массив, и даже у его подножия, до которого едва доставали волны, не было ни одного углубления, где можно было бы найти приют. Стена, совершенно отвесная, состояла из крепчайшего гранита, который никогда не точили воды моря. Над вершиной ее летало множество водяных птиц, главным образом, перепончатопалых, с узкими, продолговатыми и острыми клювами. Это были весьма крикливые существа, несколько не напуганные присутствием человека, который, очевидно, впервые нарушал их одиночество. Среди этих птиц Пенкроф заметил нескольких фомок – вид поморников, которых иногда называют «морскими разбойниками», а также маленьких хищных чаек, гнездившихся в углублениях гранита. Один ружейный выстрел по этому скопищу птиц принес бы богатую добычу, но, чтобы выстрелить, необходимо ружье, а у Пенкрофа и Герберта его не было. Впрочем, фомки и чайки почти несъедобны, а их яйца имеют отвратительный вкус. Между тем Герберт, который свернул немного более влево, вскоре увидел скалы, покрытые водорослями. Через несколько часов их должен был затопить прилив. На этих скалах, увитых скользкой морской травой, виднелось множество двустворчатых раковин, которыми не могли пренебречь проголодавшиеся люди. Герберт кликнул Пенкрофа, и тот быстро подбежал.

– Э, да это съедобные ракушки! – воскликнул моряк. – Вот что заменит нам яйца.

– Это не съедобные ракушки, – ответил Герберт, внимательно осматривая прицепившихся к скале моллюсков, – это литодомы.

– А их едят? – спросил Пенкроф.

– Конечно.

– Ну, так будем есть литодом.

Моряк мог вполне положиться на Герберта: юноша был очень силен в естественной истории и с подлинной страстью любил эту науку. Отец Герберта поощрял его занятия и дал ему возможность прослушать лекции лучших бостонских профессоров, которые очень любили умного и прилежного мальчика. Знания Герберта как натуралиста были не раз использованы впоследствии, и первое их применение оказалось удачным.

Литодомы – продолговатые раковины, соединенные в гроздь и крепко пристающие к скалам. Они принадлежат к тому виду моллюсков-бурильщиков, которые просверливают отверстия в самых крепких камнях. Раковины литодом закруглены с обоих концов; этот признак отличает их от прочих съедобных ракушек.

Пенкроф с Гербертом основательно закусили литодомами, раскрывшими раковины навстречу солнцу. Они ели их, как едят устриц, и нашли, что у этих моллюсков очень острый вкус. Поэтому Пенкрофу и Герберту не пришлось жалеть об отсутствии у них соли или какой-либо другой приправы. Им удалось на время утолить голод, но зато их мучила жажда, которая еще усилилась от пищи, остро приправленной самой природой.

Надо было отыскать пресную воду, которой не могло не быть в этой прихотливо изоброжденной местности. Пенкроф и Герберт наполнили карманы и носовые платки литодомами и двинулись дальше. Пройдя шагов двести, они достигли расщелины, которую, по правильному предположению Пенкрофа, до краев наполняла небольшая речка. Стена в этом месте как бы раздвинулась, уступая напору подземных сил. У подножия ее образовалась маленькая бухточка. Речка в этом месте была шириной футов в сто; ее отвесные берега были с обеих сторон не шире двадцати футов. Русло потока пролегало между гранитными стенами, которые по мере удаления от устья постепенно снижались. Далее он резко сворачивал в сторону и скрывался в зарослях в полумиле расстояния.

– Вода здесь, топливо там, – сказал Пенкроф. – Не хватает только жилья.

Вода в речке была совершенно прозрачна. Пенкроф убедился, что теперь, то есть в те часы, когда до нее не доходит прилив, она пресная. Установив это важное обстоятельство, Герберт принялся искать какое-нибудь углубление, могущее послужить убежищем, но его поиски оказались тщетными. Стена повсюду была отвесная, гладкая и ровная.

У самого устья реки, несколько выше линии прилива, обвалившиеся скалы образовали грот, или, скорее, огромное отверстие в груди камней. Такие нагромождения часто образуются в местностях, изобилующих гранитом; обычно их называют «трубами».

Пенкроф и Герберт далеко углубились в усыпанные песком проходы среди скал. Они были достаточно освещены, так как лучи солнца проникали в промежутки между гранитными глыбами, которые только чудом сохраняли устойчивость и не падали. Вместе со светом врывался ветер – настоящий сквозняк, приносивший снаружи ледяной холод. Однако Пенкроф решил, что, если завалить часть этих проходов и заткнуть некоторые отверстия камнями и песком, «трубы» станут обитаемыми. По своей форме они напоминали типографский знак &⁷. Отделив верхнее кольцо этого знака, через которое проникал южный и западный ветер, удастся, без сомнения, использовать его нижнюю часть.

– Это как раз то, что нам нужно, – сказал Пенкроф. – Если бы когда-нибудь снова увидеть мистера Смита! Он уж сумел бы использовать этот лабиринт.

– Мы его увидим, Пенкроф! – вскричал Герберт. – И когда он вернется, то должен найти здесь удобное жилище. Оно будет довольно сносным, если нам удастся установить очаг в левом проходе и сохранить отверстие для выхода дыма.

– Это мы сумеем сделать, мой мальчик. Трубы, – так Пенкроф окончательно окрестил это временное жилище, – будут для нас подходящим жильем. Но сначала надо запастись топливом.

---

⁷ Знак означает et caetera (по латыни: и так далее).

Я думаю, дерево нам очень пригодится, чтобы забить отверстия, через которые дует такой дьявольский ветер.

Герберт и Пенкроф вышли из Труб и пошли вдоль левого берега речки. По ее быстрым водам плыли сухие сучья. Прилив, который уже начинался, должен был оттеснить этот поток далеко назад. Пенкрофу пришло в голову, что силу прилива и отлива можно будет использовать для перевозки тяжестей.

Прошагав с четверть часа, моряк и юноша дошли до излучины реки. Начиная с этого места ее берега были покрыты густым лесом. Хотя стояла глубокая осень, деревья в этом лесу остались зелеными: они принадлежали к семейству хвойных, столь распространенному на всем земном шаре, от северных широт до тропиков. Юный натуралист отметил, в частности, деодары – деревья с прекрасным запахом, в изобилии растущие в Гималаях. Среди деодар попадались группы сосен, широко раскинувших свои густые зонтики. Под ногой Пенкрофа в высокой траве то и дело потрескивали, стреляя, как фейерверк, сухие ветки.

– Все прекрасно, мой мальчик, – сказал моряк – Хотя я и не знаю, как называются эти деревья, но мне хорошо известно, что их можно отнести к разряду годных на топливо. А сейчас только такие нам и нужны.

– Наберем их побольше! – сказал Герберт и тотчас же принялся за работу. Сбирать сучья оказалось нетрудным делом. Не пришлось даже ломать веток, так как на земле валялось много хворосту. Но если дров хватало, то транспортные средства отсутствовали. Ветки, очень сухие, должны были быстро сгорать. Поэтому в Трубы надо было доставить как можно больше топлива, а подъемной силы двух человек оказалось недостаточно. Герберт заметил это Пенкрофу.

– Э, мой мальчик, – ответил моряк, – должно же найтись какое-нибудь средство переправить эти дрова! Для всякого дела есть свой способ. Будь у нас тележка или лодка, задача была бы слишком простой.

– К нашим услугам река, – сказал Герберт.

– Правильно, – ответил Пенкроф. – Река будет для нас самодвижущейся дорогой. Не напрасно же изобретен сплавной плот!

– Это все верно, – заметил Герберт. – Но только дорога движется от нас вспять.

– Ну что ж, подождем, пока начнется отлив, – сказал Пенкроф. – Море само доставит наши дрова к Трубам. А пока будем сооружать плот. Моряк и Герберт вернулись к месту, где река сворачивала под углом в сторону. Каждый из них нес, сколько мог, сухого хворосту, связанного в вязанки. На берегу, в густой траве, на которую никогда, вероятно, не ступала нога человека, тоже валялось множество сухих веток. Пенкроф сейчас же принялся связывать плот.

В маленьком затоне, образованном выступом берега, преграждавшим течение, Герберт с Пенкрофом бросили в воду несколько толстых сучьев, скрепленных сухими лианами. Таким образом, получилось нечто вроде плота, на который был постепенно перенесен весь собранный хворост, по крайней мере, вязанок двадцать. Через час работа была окончена, и плот, привязанный к берегу, дожидался отлива.

У Пенкрофа и Герберта оказалось несколько свободных часов, и они решили дойти до верхнего плато и осмотреть местность с более высокого пункта.

Шагах в двухстах от излучины реки стена, заканчивающаяся кучей камней, пологим склоном спускалась к опушке леса, образуя нечто вроде естественной лестницы. Благодаря своим сильным ногам Пенкроф и Герберт в несколько минут добрались до верхушки стены и подошли к краю выступа, возвышавшегося над устьем реки.

Прежде всего, они окинули взором океан, который им так недавно пришлось перелететь при столь ужасных обстоятельствах. С волнением оглядывали они северную сторону берега, где произошла катастрофа. Именно там исчез Сайрес Смит. Моряк и юноша надеялись заметить какие-нибудь остатки воздушного шара, за которые мог бы уцепиться человек. Но без-

брежное море было пустынно. На берегу тоже никого не было – ни Наба, ни журналиста. Возможно, что они в эту минуту находились так далеко, – что их нельзя было увидеть.

– Я чувствую, – вскричал Герберт, – что такой энергичный человек, как мистер Смит, не мог утонуть: он доплыл до берега! Ведь правда, Пенкроф?

Моряк печально покачал головой. Он уже не надеялся больше свидеться с Сайресом Смитом. Но ему не хотелось разочаровывать Герберта.

– Конечно, конечно, – ответил он. – Там, где всякий другой погибнет, наш инженер сумеет выпутаться.

Говоря это, он внимательно осматривал берег. Перед его глазами простиралась песчаная полоса, ограниченная с правой стороны линией утесов. Эти стены, еще не покрытые водой, походили на группу амфибий, омываемых прибоем. За каменной грядой сверкало в лучах солнца море. На юге горизонт был закрыт острым мысом, так что нельзя было узнать, продолжается ли земля в этом направлении или сворачивает на юго-запад и на юго-восток. В последнем случае она имела бы форму очень удлиненного полуострова. На северной оконечности бухты очертания берега, более округленные, были видны на значительном расстоянии. Берег был низкий, плоский и гладкий, с большими песчаными отмелями, не покрытыми еще водой. Потом Пенкроф и Герберт обернулись к западу. Прежде всего им бросилась в глаза снеговая вершина, возвышавшаяся на расстоянии шести-семи миль. От первых уступов берега на две мили вглубь тянулся густой лес с хвойными зарослями. Далее, между опушкой леса и водой, зеленела обширная площадка, покрытая прихотливо разбросанными купами деревьев. Налево в просветах леса сверкала речка; в своем извилистом течении она, видимо, возвращалась к горным отрогам, от которых начинала свой путь. В том месте, где Пенкроф оставил плот, она протекала между двумя гранитными стенами; левая стена была гладкая и отвесная, в то время как правая постепенно снижалась; массив переходил в отдельные скалы, скалы – в камни, а камни – в голыши, покрывавшие берег до конца мыса.

– Не на острове ли мы? – подумал вслух моряк.

– Если это остров, то довольно большой, – откликнулся Герберт.

– Остров, как он ни велик, все же остров, – заметил Пенкроф.

Ответить на этот важный вопрос было пока невозможно; пришлось отложить его разрешение. Но местность, будь то материк или остров, казалась плодородной, красивой и изобилующей разнообразными естественными богатствами.

Пенкроф и Герберт долго разглядывали берег, на который забросила их судьба. Но после такого поверхностного осмотра трудно было еще себе представить, что им готовит будущее.

Через некоторое время они двинулись в обратный путь по южному гребню гранитного плато, окаймленного длинными рядами скал причудливой формы. В расщелинах камней гнездилось множество птиц. Герберт, прыгая со скалы на скалу, спугнул целую стаю этих пернатых.

– Ну, это уже не чайки и не поморники! – вскричал он.

– Что же это за птицы? – спросил Пенкроф. – Честное слово, они похожи на голубей!

– Это и есть голуби, но только дикие – так называемые скалистые голуби, – ответил Герберт – Я узнаю их по двойной черной полоске на крыльях, по белой гузке и пепельно-синему оперению. Скалистый голубь употребляется в пищу, а его яйца, должно быть, очень вкусны. Хорошо бы их найти в гнездах!

– Прежде чем птенцы вылупятся, мы превратим их в яичницу, – весело сказал Пенкроф.

– А в чем же ты будешь жарить яичницу? В твоей шляпе?

– Нет – я еще пока не колдун, – ответил моряк. – Придется нам ограничиться яйцами всмятку.

Пенкроф с Гербертом тщательно осмотрели каждую впадину в граните и действительно нашли множество яиц. Моряк собрал две-три дюжины и завязал в платок. Между тем подошло время наибольшего прилива, и Герберт с Пенкрофом вернулись к реке.

Когда они достигли излучины, был час дня. Течение реки уже повернуло вспять. Надо было воспользоваться отливом и переправить дрова к устью. Пенкроф не имел намерения доверить их воле течения, но не хотел и переходить на плот, чтобы управлять им. Моряк всюду сумеет раздобыть веревку, и Пенкроф быстро сплел из сухих лиан бечеву в несколько сажен длиной. Привязав этот канат к корме плота, Пенкроф взял в руку его конец, а Герберт отталкивал плот длинным шестом, не давая ему приближаться к берегу.

Маневр удался на славу. Огромная связка дров, которую моряк удерживал, следуя за ней по берегу, поплыла вперед, уносимая течением. Берега были очень круты, и можно было не опасаться, что плот сядет на мель. Меньше чем через два часа он уже был в устье, всего в нескольких шагах от Труб.

Глава V

Приспособление Труб под жилье. – Как добыть огонь – Коробка спичек. – Поиски на берегу. – Возвращение журналиста и Наба. – Единственная спичка! – Огонь зажегся. – Первый ужин. – Первая ночевка на земле.

Первой заботой Пенкрофа после разгрузки плота было приспособить Трубы под жилье. Для этого надо было завалить проходы, через которые проникал ветер. Песком, камнями, сплетенными ветками и мокрой землей ему удалось герметически закупорить галереи, открытые для южного ветра, и изолировать верхнее кольцо знака. Чтобы дать выход дыму и создать тягу, был оставлен один узкий, извилистый проход, открывавшийся в боковой части стены. Таким образом, Трубы были разделены на три-четыре комнаты, если можно так назвать темные берлоги, которые едва ли пришлись бы по вкусу даже дикому животному. Но там, по крайней мере, было сухо, а в центральных комнатах можно было даже стоять, вытянувшись во весь рост; полы в них были усыпаны песком. В конце концов, это казалось не таким уж плохим жильем на первое время.

Работая, Герберт и Пенкроф оживленно болтали.

– Может быть, наши товарищи нашли более удобное помещение, – сказал Герберт.

– Это возможно, – ответил моряк. – Но когда не знаешь наверняка, следует действовать. Лучше иметь лук с двумя тетивами, чем совсем без тетивы.

– Лишь бы только они привели с собой мистера Смита! – повторял Герберт. – Если они его найдут, нам останется только благодарить судьбу.

– Да, – ответил Пенкроф. – Это был человек... настоящий...

– «Был»? – сказал Герберт. – Разве ты потерял надежду его увидеть?

– Нет, нет! – ответил поспешно моряк. Отделочные работы были быстро закончены, и Пенкроф остался ими очень доволен.

– Теперь наши друзья могут возвращаться, – сказал он. – Они найдут недурное убежище.

Оставалось только устроить очаг и приготовить обед. Первое было легко и просто сделать. В глубине левого коридора, под отверстием узкого прохода, оставленного для выхода дыма, были положены плоские широкие камни. Того тепла, которое распространится от очага, несомненно, будет достаточно, чтобы обогреть помещение. Поместив свои запасы в одной из комнат, Пенкроф положил на очаг несколько сучьев вперемешку со щепками.

Видя, что он занят этой работой, Герберт спросил моряка, есть ли у него спички.

– Конечно, – ответил Пенкроф и добавил: – И это большое счастье. Без спичек или трута нам пришлось бы плохо.

– Мы могли бы добывать огонь, как дикари: трением двух сухих кусков дерева, – сказал Герберт.

– Попробуй-ка это сделать, мой мальчик, – ответил Пенкроф. – Ты только сотрешь себе ладони и ничего не добьешься.

– Но ведь это же совсем простой способ, очень распространенный на островах Тихого океана, – возразил юноша.

– Не спорю, но дикари, видимо, лучше нас знают, как его применять, или употребляют какое-то особое дерево. Я сам часто пробовал добыть огонь таким образом, и это мне ни разу не удалось. Говоря по совести, я предпочитаю спички... Где мои спички?

Пенкроф полез в карман за спичками, с которыми никогда не расставался, так как был заядлым курильщиком. Там их не оказалось. Он пошарил в карманах брюк, но, к его величайшему удивлению, драгоценного коробка нигде не было.

– Вот уж глупо! – сказал моряк, в недоумении смотря на Герберта. – Спичечница, наверное, выпала у меня из кармана и потерялась. А у тебя, Герберт, нет огнива или чего-нибудь, чем можно добыть огонь?

– Нет, Пенкроф.

Моряк вышел из пещеры, ожесточенно почесывая в затылке. Герберт последовал за ним. На песке, на скалах, на берегу реки – всюду искали они коробок, но тщетно. Спичечница была медная, и они бы ее, наверное, заметили.

– А ты не выбросил ее из корзины, Пенкроф? – спросил Герберт.

– Нет. Я ее так берег! – ответил моряк. – Но при этой ужасной качке такой маленький предмет легко мог исчезнуть. Даже моя трубка, и та меня покинула. Чертова спичечница! И куда только она могла деться?

– Начинается отлив, – сказал Герберт. – Сходим на то место, где мы выбрались на землю.

Спичечницу едва ли удалось бы там найти, так как волны, наверное, унесли ее во время прилива. Но попытаться все же следовало. Герберт и Пенкроф быстро направились к месту высадки, находившемуся шагах в двухстах от Труб.

Они самым тщательным образом обыскали каждую впадину в скалах, перевернули каждый камешек. Никакого результата. Если спичечница упала где-нибудь здесь, ее, несомненно, унесло в океан. По мере того как волны отступали, моряк осматривал все расщелины между скалами, но так и не нашел своего коробка. Это была очень значительная, ничем не вознаграждаемая в данных обстоятельствах потеря.

Пенкроф не мог скрыть своего огорчения. Он угрюмо молчал, лоб его прорезали глубокие морщины. Герберт, чтобы его утешить, сказал, что спички, вероятно, подмокли и ими все равно нельзя было бы пользоваться.

– Да нет, мой мальчик, – возразил Пенкроф. – Они лежали в медной, плотно закрытой коробке. Что же нам теперь делать?

– Мы как-нибудь сумеем раздобыть огонь, – сказал Герберт.

– Мистер Смит или мистер Спилет окажутся изобретательнее нас.

– Да, но пока что огня у нас нет, и, когда наши товарищи вернутся сюда, их будет ждать печальный сюрприз.

– Но у них, наверное, есть спички или трут, – живо сказал Герберт.

– Не думаю, – ответил моряк, покачивая головой. – Мистер Смит и Наб не курят, а мистер Спилет – тот уж наверняка больше беспокоился о своем блокноте, чем о спичках.

Герберт промолчал. Потеря спичек, несомненно, была очень досадным обстоятельством. Однако юноша не сомневался, что тем или иным способом огонь удастся добыть. Пенкроф, более опытный, думал иначе, хотя и был не таков, чтобы смущаться трудностями. Во всяком случае, теперь оставалось только одно: ожидать возвращения Наба и журналиста. Но пришлось отказаться от мысли угостить их крутыми яйцами. Постоянно питаться сырым мясом – перспектива ни для кого не приятная.

Прежде чем возвратиться в Трубы, Пенкроф и Герберт, на случай если у них совсем не будет огня, набрали дополнительный запас литодом. После этого они безмолвно направились в свое жилище.

На обратном пути Пенкроф продолжал искать свою исчезнувшую спичечницу. Он даже еще раз прошел по левому берегу реки от устья до излучины, возле которой был привязан плот, поднялся на верхнее плато и обошел его во всех направлениях. Он искал в высокой траве, на опушке леса, но напрасно.

Когда Пенкроф с Гербертом вернулись в Трубы, было пять часов вечера. Незачем и говорить, что каждый уголок пещеры был обыскан самым тщательным образом. От надежды найти спичечницу пришлось окончательно отказаться.

Часов около шести, когда солнце уже почти скрылось за холмами на западе, Герберт, который ходил взад и вперед по берегу, увидел Наба и Гедеона Спилета.

Они возвращались одни. Сердце юноши мучительно сжалось. Предчувствие не обмануло Пенкрофа: Сайреса Смита не удалось найти.

Подойдя, журналист молча сел на камень. Измученный голодом и усталостью, он был не в силах говорить.

Что же касается Наба, то его покрасневшие глаза свидетельствовали о том, сколько он пролил слез. Новые неудержимые рыдания лучше всяких слов говорили, что он пришел в полное отчаяние. Журналист кратко рассказал о том, как они с Набом искали Сайреса Смита. Берег был обследован на протяжении восьми миль, то есть значительно дальше того места, где шар в предпоследний раз упал в воду и где вслед за его падением исчезли Сайрес Смит и Топ. Берег был пуст. Ни одного следа, ни одного отпечатка ноги человека. Ни один камешек не был сдвинут с места. Было очевидно, что эта часть берега совершенно необитаема. Море было столь же пустынно. На дне его, в нескольких сотнях футов от берега, вероятно, покоилось тело инженера.

В этом месте рассказа Наб вскочил на ноги и голосом, который выражал все еще жившую в нем надежду, воскликнул:

– Нет! Нет! Он не умер! Этого не может быть. Такой человек, как он!.. Это невозможно! Кто угодно другой, но только не он! Мой хозяин всегда сумеет выпутаться. – Тут силы оставили его, и он, глухо застонав, опустил на камень.

– Наб, – воскликнул Герберт, подбегая к верному негру, – мы его найдем, он к нам вернется! А пока поешьте немного, пожалуйста. Вы ведь голодны.

С этими словами он протянул Набу горсть ракушек – все, что мог ему предложить.

Наб уже много часов не имел во рту ни крошки, но все же отказался. Лишившись своего хозяина, он не хотел жить.

Гедеон Спилет с жадностью накинулся на моллюсков. Поев, он лег на песок у подножия скалы. Он был очень утомлен, но спокоен.

Герберт подошел к нему и взял его за руку.

– Мистер Спилет, – сказал он, – мы нашли убежище, где вам будет удобнее, чем здесь. Наступает ночь. Пойдемте, отдохните немного. А завтра посмотрим.

Журналист поднялся на ноги и последовал за Гербертом к Трубам.

В эту минуту Пенкроф подошел к нему и насколько мог естественным тоном спросил:

– Нет ли у вас случайно спички?

Журналист остановился и порылся в карманах, но не нашел спичек.

– У меня были, да я, наверное, их выбросил, – сказал он.

Моряк задал тот же вопрос Набу и получил тот же ответ.

– Проклятие! – воскликнул он, будучи не в силах сдержать досаду.

Услышав это восклицание, журналист подошел к Пенкрофу.

– Ни одной спички? – спросил он.

– Ни единой. А без спичек нет и огня!

– Если бы только мой хозяин был здесь, – вскричал Наб, – он сумел бы сделать спички!

Четверо потерпевших крушение стояли без движения, с тревогой смотря друг на друга. Герберт первый прервал молчание.

– Мистер Спилет, – сказал он, – вы курильщик, у вас всегда были с собой спички. Может быть, вы плохо искали? Поищите еще. Одна спичка – и у нас будет огонь!

Журналист снова обшарил карманы брюк, пальто и жилета и вдруг, к своему крайнему удивлению и к великой радости Пенкрофа, нащупал за жилетной подкладкой маленький кусок дерева. Он прижал его пальцами сквозь материю, но не мог вытащить. Это, очевидно, была

спичка, и притом единственная. С ней надлежало обращаться осторожно, чтоб не сцарапать фосфор.

– Позвольте мне попробовать, – сказал Герберт. Очень ловко, не сломав его, он вытащил этот кусочек дерева, эту ничтожную щепочку, столь драгоценную для четырех несчастных людей. Она была цела и невредима.

– Спичка! – вскричал Пенкроф. – Теперь мне кажется, что у нас их целый воз.

Он осторожно взял спичку и в сопровождении своих товарищей вернулся в Трубы.

Этот маленький кусочек дерева, который в обитаемых землях не имеет никакой ценности и не вызывает к себе ни малейшего интереса, требовал при данных обстоятельствах крайне бережного обращения.

Убедившись, что спичка совершенно суха, Пенкроф сказал:

– Мне бы нужно кусок бумаги.

– Вот вам, – ответил Геден Спилет, не без колебания вырывая листок из своей записной книжки.

Пенкроф взял листок у журналиста и присел на корточки перед очагом. Он подложил под сучья несколько пучков травы, листьев и сухого мха, расположив их так, чтобы между ними свободно проходил воздух и хворост мог бы легко воспламениться.

После этого Пенкроф свернул бумагу рожком, как делают курильщики, когда хотят разжечь трубку на ветру, и засунул его между пучками травы. Потом он взял шероховатый камень, тщательно обтер его и, затаив дыхание, с сильно бьющимся сердцем провел спичкой по камню. Вспышки не последовало; боясь сцарапать с головки фосфор, Пенкроф чиркнул спичкой чересчур слабо.

– Нет, я не могу, – сказал он, – у меня слишком дрожит рука. Спичка не загорится. Я не хочу. Не могу.

И, поднявшись на ноги, он попросил Герберта взяться за это ответственное дело.

Во всю свою жизнь юноша не был так взволнован. Сердце его громко стучало. Прометей, похищая огонь с неба, наверное, чувствовал себя спокойней. Однако Герберт без колебаний взял спичку и быстро чиркнул ею о камень. Тотчас же послышался легкий треск, и вспыхнуло маленькое синеватое пламя, сопровождаемое едким дымом. Герберт осторожно повернул спичку, чтобы огонь разгорелся посильнее, и сунул ее в свернутую бумагу. Через несколько секунд бумага вспыхнула, а вслед за нею загорелся и мох.

Вскоре дрова уже весело трещали, и яркое пламя, энергично раздуваемое сильными легкими моряка, озаряло мрачную пещеру.

– Наконец-то! – воскликнул Пенкроф, поднимаясь на ноги. – Никогда в жизни я не был так взволнован!

Пламя прекрасно разгоралось на плоских камнях очага. Дым легко уходил в узкое отверстие, тяга была отличная, и вскоре приятное тепло распространилось по всей пещере. Теперь нужно было следить за тем, чтобы не дать огню погаснуть. Для этого надо было всегда сохранять под пеплом несколько тлеющих угольков. Но это был лишь вопрос тщательности и внимания, поскольку в дровах не было недостатка и запас их всегда можно было вовремя пополнить.

Пенкроф мечтал использовать огонь прежде всего для приготовления чего-нибудь более сытного, чем литодомы. Герберт принес две дюжины яиц. Журналист, сидевший в углу пещеры, безмолвно смотрел на эти приготовления. Три вопроса занимали его мысли: жив ли еще Сайрес Смит? Если он жив, то где он находится? Если он уцелел после падения, то почему он до сих пор не дал о себе знать?

Что же касается Наба, то он бродил по берегу. Он весь был во власти своего горя.

Пенкроф знал пятьдесят два способа приготовления яиц, но сегодня у него не было выбора. Он мог только закопать яйца в горячую золу и испечь их.

Через несколько минут ужин был готов, и Пенкроф пригласил журналиста принять в нем участие. Так потерпевшие крушение в первый раз поели на этом неизвестном берегу. Печеные яйца оказались очень вкусными, и так как в яйце есть все, что нужно для питания человека, то четверо голодных хорошо подкрепили свои силы.

О, если бы их пятый товарищ был с ними!

Если бы все пленники, бежавшие из Ричмонда, находились здесь, под прикрытием скал, на песке, перед ярко пылающим огнем, им оставалось бы только благодарить судьбу. Но самый изобретательный, самый ученый из них, их бесспорный начальник, Сайрес Смит, к несчастью, отсутствовал, и его тело не удалось даже предать погребению.

Так прошел день 25 марта. Наступила ночь. Снаружи слышались вой ветра и монотонный плеск прибоя. Мелкие камни, бросаемые волнами, с оглушительным шумом перекатывались по берегу.

После ужина журналист кратко записал основные события за день: первое появление берега, исчезновение инженера, случай со спичками. Потом он улегся в одном из темных проходов и, сломленный усталостью, погрузился в сон.

Герберт тоже скоро заснул. Моряк всю ночь продремал у костра, щедро подкладывая в него топливо.

Только один из потерпевших крушение не ночевал в Трубах. Это был верный, безутешный Наб, который до утра пробродил по берегу, в отчаянии призывая своего господина.

Глава VI

Имущество потерпевших крушение. – Ничего. – Жженая тряпка. – Экскурсия в лес. – Хвойная растительность. – Якамар спасается бегством. – Следы диких зверей. – Трегоны. – Косачи. – Необычайный способ охоты.

Список предметов, которыми обладали воздухоплаватели, выброшенные на этот явно не обитаемый берег, можно было бы составить очень быстро.

У них не было ровно ничего, кроме платья, в которое они были одеты во время катастрофы. Следует, впрочем, упомянуть еще о записной книжке и часах, которые Геден Спилет, очевидно по рассеянности, не выбросил. Но никакого оружия, ни одного инструмента, даже простого перочинного ножика не нашлось в карманах бывших пассажиров аэростата. Они все выкинули в воду, чтобы облегчить корзину.

Вымышленные герои Даниеля Дефо или Висса, а также Селькирк и Рейналь, выброшенные на остров Хуан-Фернандес и на Оклэндский архипелаг, никогда не были так беспомощны. Они могли либо пользоваться обильными запасами с погибшего корабля зерном, мясом, оружием и инструментами, либо водой прибывало к берегу какие-нибудь предметы, необходимые для удовлетворения насущных нужд. Они не были абсолютно безоружны перед лицом природы. Но у наших воздухоплавателей не было ни одного инструмента или предмета обихода. Из ничего им предстояло создать все.

Если бы с ними был Сайрес Смит, если бы инженер мог применить в этих ужасных условиях свой практический опыт и изобретательный ум, положение не казалось бы таким безнадежным. Но, увы, на появление Сайреса Смита не приходилось более рассчитывать. Его товарищи должны были полагаться только на свои силы.

Прежде всего надлежало решить, следует ли им обосноваться в этой пустынной местности, не пытаясь узнать, обитаема ли она и что она собой представляет – часть материка или берег острова. Этот важный вопрос нужно было выяснить как можно скорее и, в зависимости от его разрешения, действовать дальше. Однако, как правильно заметил Пенкроф, с разведочной экспедицией лучше было несколько повременить: предстояло ведь заготовить продовольствие и раздобыть что-нибудь более питательное, чем яйца и моллюски. Разведчики, которым предстояли утомительные переходы и ночевки под открытым небом, должны были прежде всего укрепить свои силы.

На первое время Трубы были вполне удобным жильем. Огонь горел хорошо, и сохранить тлеющие уголья оказалось нетрудно. На берегу среди скал можно было найти достаточно яиц и ракушек. В будущем, несомненно, удастся убить камнями или палками несколько диких голубей, стаи которых летали над гребнем плато. Быть может, в соседнем лесу найдутся съедобные плоды или ягоды. Пресная вода недалеко. Словом, Пенкроф и его товарищи решили остаться на несколько дней в Трубах и подготовиться к обследованию берега и прилегающей к нему местности.

Этот план особенно пришелся по сердцу Набу. Он был упрям и верил в предчувствия, и ему отнюдь не хотелось удаляться от места катастрофы. Наб по-прежнему не допускал мысли, что Сайрес Смит погиб. Нет, такой человек, как его хозяин, не мог утонуть банальным образом, в нескольких стах шагах от берега. Пока волны не выбросят тело инженера, пока он, Наб, сам не увидит своими глазами, сам не прикоснется к бездыханному телу своего господина, он будет считать его живым. Эта уверенность крепко утвердилась в верном сердце негра. Эту иллюзию – быть может, иллюзию, достойную уважения – Пенкрофу не хотелось разрушать.

Моряк давно уже не сомневался, что инженер погиб, но с Набом напрасно было спорить. Страдания его были таковы, что, возможно, он не пережил бы их. Утром 26 марта Наб опять спозаранку отправился на север – туда, где море сомкнуло свои волны над бедным Смитом.

В этот день обитатели Труб позавтракали голубиными яйцами и ракушками. Герберту повезло найти соль, осевшую в углублениях скал вследствие испарения. Этот минеральный продукт пришлось взять как нельзя более кстати.

После завтрака Пенкроф предложил Гедону Спилету пойти в лес, где они с Гербертом хотели попробовать поохотиться. Но, посоветовавшись, Пенкроф и Спилет решили, что кому-нибудь из них лучше остаться в пещере, чтобы поддерживать огонь. Да и Набу могла неожиданно понадобиться помощь. Остаться предпочел журналист.

– На охоту, Герберт! – сказал моряк. – Снаряды мы найдем по дороге, а ружье ломаем в лесу.

Перед уходом Герберт заметил, что раз у них нет трута, его следует чем-нибудь заменить.

– Чем же? – спросил Пенкроф.

– Женой тряпкой, – сказал Герберт. В случае надобности она может служить в качестве трута.

Моряк нашел эту мысль весьма разумной. Но план Герберта имел одно неудобство: он требовал принести в жертву носовой платок. Однако это стоило сделать, и вскоре клетчатый платок частично превратился в обгорелую тряпку. Этот горючий материал был спрятан в маленьком углублении в средней комнате, защищенной от сырости и ветра.

Было девять часов утра. Небо хмурилось, дул сильный юго-восточный ветер. Герберт с Пенкрофом обогнули Трубы и, бросив последний взгляд на струйку дыма, поднимающуюся над острой скалой, двинулись по левому берегу реки. Придя в лес, Пенкроф тотчас же сломал два крепких сука, а Герберт превратил их в дубинки, обточив концы о камень. В эту минуту он, кажется, все бы отдал за хороший, острый нож.

Потом охотники пошли дальше вдоль берега, путаясь ногами в высокой траве. Начиная с излучины, где река поворачивала к юго-западу, она понемногу становилась все уже. Ее русло пролегало между крутыми, отвесными берегами, осененными двойным рядом густых деревьев. Чтобы не заблудиться, Пенкроф решил идти по течению реки, которая всегда укажет ему дорогу обратно. Но путь по берегу изобиловал препятствиями: гибкие ветви деревьев доходили порой почти до самой воды: вокруг ног переплетались цепкие лианы и колючки, которые приходилось сбивать ударами палок.

Герберт с ловкостью кошки проскальзывал между корнями и то и дело исчезал в зарослях. Но Пенкроф сейчас же окликал юношу и просил его не удаляться. Моряк внимательно изучал расположение и природу местности. Левый берег реки, по которому они шли, был ровный и постепенно повышался по направлению от реки. Местами он становился болотистым. Под почвой, очевидно, разветвлялась целая сеть потоков, которые изливались в реку через какой-нибудь подземный поток. Иногда в зарослях попадались небольшие ручейки, но их можно было без труда перейти. Противоположный берег казался менее плоским, и очертания долины, по которой протекала река, вырисовывались отчетливее. Покрытый лесом пригорок преграждал вид.

Идти по правому берегу было бы нелегко: откосы его обрывались почти отвесно, и деревья, склонившиеся над водой, держались только силой своих мощных корней.

Незачем и говорить, что по этому лесу, как и по всей уже пройденной местности, никогда не ступала нога человека. Пенкроф заметил лишь следы различных четвероногих и свежие просеки, проложенные животными не известных ему пород.

В этом лесу, несомненно, водились страшные звери, которых следовало опасаться (Герберт придерживался того же мнения), но нигде не было видно следов топора, остатков костра или следа человека. Это, пожалуй, было даже к лучшему: на этой земле, здесь, посреди Тихого океана, присутствие людей могло вызвать не радость, а тревогу.

Герберт и Пенкроф почти не разговаривали, так как идти было очень трудно. Они подвигались вперед чрезвычайно медленно: за час пути им едва удалось пройти милю. Пока что

охота не принесла добычи. Птицы, певшие и порхавшие между ветвями, были очень пугливы, как будто присутствие человека внушало им справедливое опасение. В одном болотистом месте Герберт заметил среди прочих пернатых птицу с острым продолговатым клювом, похожую на зимородка. Однако она отличалась от него довольно густым оперением с металлическим отблеском.

– Это, должно быть, якамар, – сказал Герберт, стараясь подобраться к птице поближе.

– Было бы очень кстати попробовать, каков этот якамар на вкус, если только он соблаговолит позволить себя изжарить, – ответил моряк. В эту минуту камень, ловко пущенный сильной рукой юноши, подбил якамару крыло. Удар все же оказался слишком слабым: птица, вспорхнув, с необычайной скоростью исчезла.

– Ах, какой я неловкий! – воскликнул Герберт.

– Вовсе нет, мой мальчик! – сказал Пенкроф. – Удар был направлен верно. И не всякий сумел бы попасть в этого якамара. Не огорчайся. Пошли! В другой раз мы его догоним.

Разведка продолжалась. Чем дальше продвигались охотники, тем лес становился реже. Но ни на одном из могучих раскидистых деревьев не было видно съедобных плодов. Пенкроф тщетно искал глазами драгоценную пальму, столь полезную человеку, встречающуюся в Северном полушарии вплоть до сороковой параллели, а в Южном – только до тридцать пятой. Охотники видели вокруг себя лишь хвойные деревья: деодары, которые Герберт уже знал, дугласы, подобные тем, что растут на северо-западном побережье Америки, и великолепные ели до ста пятидесяти футов вышиной. Неожиданно над головой Пенкрофа пролетела и уселась на дерево целая стая маленьких птичек с красивым оперением и длинными сверкающими хвостами. Их слабые перья падали на землю, устилая ее тонким слоем пуха. Герберт подобрал несколько перышек и, внимательно осмотрев их, сказал:

– Это трегоны.

– Я предпочел бы молодую цесарку или глухаря, – заметил Пенкроф. – Но, в конце концов, если они съедобны...

– Не только съедобны, но даже очень вкусны, – ответил Герберт. – Мне кажется, к ним нетрудно приблизиться и перебить их камнями.

Моряк и юноша ползком подобрались к дереву, на нижних ветвях которого расположились птички. Трегоны на лету ловили насекомых, которыми они питаются. Их мохнатые лапки крепко вцепились в небольшие сучья, служившие им опорой.

Охотники поднялись на ноги и, действуя своими дубинками, как цепом, начали целыми рядами сбивать трегонов, которые и не думали улетать. Почти сотня птиц лежала на земле, когда остальные решились обратиться в бегство.

– Вот это подходящая для нас дичь, – сказал Пенкроф. – Их можно брать голыми руками.

Пенкроф нанизал трегонов, точно дроздов, на гибкий прут, и охотники двинулись дальше. Река несколько закруглялась, словно собираясь повернуть к югу, но изгиб, вероятно, был невелик, так как река текла с гор и питалась водой снегов, покрывавших склоны средней вершины.

Непосредственной целью экскурсии было, как известно, желание раздобыть для обитателей Труб как можно больше дичи. Пока что Пенкроф и Герберт были не особенно близки к достижению этой цели. Моряк упорно продолжал поиски добычи и сердито ворчал, когда какое-нибудь животное, которое он даже не успевал разглядеть, быстро убегало, скрываясь в густой траве. Если бы только с ними была собака – Топ! Но Топ исчез вместе со своим хозяином и, вероятно, погиб. Около трех часов дня охотники заметили среди зарослей можжевельника новые стаи птиц, которые усердно склевывали пахучие ягоды. Неожиданно в лесу раздался трубный сигнал. Этот странный громкий звук издают представители семейства куриных, которых называют косачами. Вскоре показалось несколько пар этих птиц с буро-красным оперением и коричневыми хвостами.

Герберт легко узнал самцов по острым надкрыльям, образуемым приподнятыми шейными перьями. Пенкроф считал весьма желательным поймать парочку косачей, по величине не уступавших курице, а по вкусу напоминавших рябчика. Но сделать это было трудно, так как косачи не позволяют к себе приблизиться. После нескольких бесплодных попыток, которые только распугали птиц, моряк заявил:

- Ну, раз их нельзя убить на лету, нужно попробовать поймать их на удочку.
- Как карпов? – воскликнул Герберт, до крайности удивленный этим проектом.
- Да, как карпов, – серьезно ответил Пенкроф.

Моряк нашел в траве с полдюжины гнезд, в которых лежало по два-три яйца. Он не прикоснулся к этим гнездам, к которым их хозяева могли вернуться. Именно вокруг них Пенкроф и вздумал натянуть свои лески – настоящие лески для ужения, с крючками. Отойдя от гнезд подальше, он смастерил эти странные орудия, которым мог бы позавидовать любой ученик Исаака Уолтона⁸. Герберт с понятным интересом следил за действиями Пенкрофа, хотя не очень надеялся на удачу. Материалом для лесок послужили веревки из тонких лиан длиной в пятнадцать-двадцать метров. На одном конце их вместо крючков матрос привязал толстые, крепкие колючки, добытые в зарослях карликовых акаций. Что же касается приманки, то для этой цели как нельзя лучше подошли жирные красные черви, во множестве ползавшие по земле.

Изготовив удочки, Пенкроф осторожно пополз по траве и укрепил концы лесок, вооруженные крючками, у самых гнезд косачей. Потом Пенкроф с Гербертом спрятались за большое дерево, крепко держа в руках концы удочек. Теперь оставалось терпеливо ждать. Герберт, надо признаться, все еще не очень надеялся на успех плана своего изобретательного товарища.

Прошли долгие полчаса. Как и предполагал Пенкроф, несколько косачей вернулись к гнездам. Весело подсакивая, они искали себе пищи, ничуть не подозревая присутствия охотников, которые осторожно спрятались с подветренной стороны. Герберт был очень заинтересован и, затаив дыхание, следил за птицами. Пенкроф вытаращил глаза, раскрыл рот и вытянул губы, словно заранее смакуя вкусный кусок дичи.

Птицы спокойно расхаживали взад и вперед, не обращая на крючки никакого внимания. Наконец Пенкроф слегка потянул за лески, и червяки закачались, как живые.

Можно не сомневаться, что моряк в эту минуту волновался куда больше, чем обыкновенный рыболов. Рыбак ведь не видит свою добычу, скрывающуюся под водой.

Движения червяков заинтересовали птиц, и они подбежали к крючкам, широко разинув клювы. Три косача, самые прожорливые, мигом проглотили приманку, а вместе с ней и крючки. Внезапно Пенкроф резким движением дернул за лески, и сильное хлопанье крыльев подтвердило, что добыча поймана.

– Ура! – закричал Пенкроф, бросаясь со всех ног к своей дичи. Не прошло и минуты, как три тетерева уже бились у него в руках.

Герберт громко захлопал в ладоши. Он никогда еще не видел, чтобы птиц ловили на удочку. Но Пенкроф, человек очень скромный, сказал, что делает это не впервые и что заслуга этого изобретения принадлежит не ему.

- В нашем положении, – заявил он, – еще и не такую штуку придумаешь!

Тетерева были крепко связаны за лапки, и Пенкроф, счастливый, что возвращается с добычей, решил, что время двинуться в обратный путь. Солнце уже клонилось к закату.

Река указывала дорогу домой, и охотникам оставалось только идти вниз по течению. Часам к шести вечера Герберт и Пенкроф, утомленные, но довольные, возвратились в Труды.

---

⁸ Уолтон – автор известного руководства по ужению рыбы.

Глава VII

Наб еще не вернулся. – Размышления журналиста. – Ужин. – Готовится буря. – Страшный ураган. – Ночные поиски. – Борьба с ветром и дождем. – В восьми милях от лагеря.

Гедеон Спилет стоял неподвижно на берегу. Скрестив руки, он смотрел на море, сливавшееся на горизонте с темной тучей, быстро поднимавшейся по небу. Ветер, уже довольно свежий, крепчал. Небо было мрачно. По всем признакам, собиралась буря. Герберт вошел в Трубы, а Пенкроф направился к журналисту. Углубленный в свои мысли, Спилет не заметил его.

– Нам предстоит ненастная ночь, мистер Спилет, – сказал моряк. – Хватит и дождя и ветра, на радость буревестникам.

Журналист обернулся и, увидев Пенкрофа, тотчас же спросил его:

– Как, по-вашему, на каком расстоянии от берега унесло волнами мистера Смита?

Пенкроф не ожидал такого вопроса. Подумав немного, он ответил:

– Самое большее – в двух кабельтовых.

– А сколько это – кабельтов? – продолжал Гедеон Спилет.

– Примерно сто двадцать брасс, или шестьсот футов.

– Значит, Сайрес Смит исчез в тысяче двухстах футах от берега? – сказал журналист.

– Да, приблизительно, – подтвердил Пенкроф.

– Вместе с собакой?

– Да.

– Вот что меня удивляет, – сказал Спилет. – Предположим, что наш товарищ погиб, но почему же Топ погиб вместе с ним и почему ни один из трупов не был выброшен на берег?

– При таком сильном волнении моря это вполне естественно, – ответил моряк – К тому же их, возможно, выкинуло на берег где-нибудь подальше.

– Итак, вы думаете, что мистер Смит действительно утонул? – снова спросил журналист.

– Да, я так думаю.

– Что касается меня, Пенкроф, то, при всем моем уважении к вашей опытности, двойное исчезновение Сайреса Смита и Топа – живы ли они или умерли – кажется мне непонятным и неправдоподобным.

– Мне очень хотелось бы согласиться с вами, мистер Спилет. Но, к несчастью, я твердо убежден, что они погибли.

Сказав это, моряк направился к Трубам. На очаге весело пылал огонь. Герберт только что подбросил новую охапку хвороста, и высокое пламя ярко освещало самые отдаленные уголки пещеры. Пенкроф немедленно принялся готовить обед. Ему казалось необходимым пополнить меню чем-нибудь существенным, так как и он сам и его товарищи нуждались в подкреплении сил. Нанизанные цепочкой трегоны были оставлены на завтра, но зато Пенкроф ошипал двух косачей, и вскоре птицы жарились на ярком огне. В семь часов вечера Наб еще не вернулся.

Его долгое отсутствие сильно беспокоило моряка. Он боялся, что с ним случилось несчастье на неизвестной земле или он, чего доброго, в отчаянии сам наложил на себя руки. Но Герберт объяснял его исчезновение совершенно иначе. Если Наб не возвращается, значит произошло что-то непредвиденное, что заставляет его продолжать поиски. А это новое обстоятельство могло быть только благоприятно для Сайреса Смита. Если бы Наба не задерживала надежда, он давно бы вернулся. Может быть, он увидел какой-нибудь знак – отпечаток ноги, предмет, выброшенный морем, который навел его на верный след. А может быть, он уже нашел своего хозяина.

Все эти мысли Герберт высказал своим товарищам. Те слушали его, не перебивая. Но лишь Гедеон Спилет в душе соглашался с ним. Пенкроф же допускал, что Наб зашел в своих

поисках дальше, чем накануне, и не успел вернуться. Герберт, очень взволнованный какими-то смутными предчувствиями, много раз порывался выйти навстречу Набу. Но Пенкроф убедил его, что это напрасно. Темным вечером, да еще в такую непогоду, он не увидел бы следов Наба. Лучше всего подождать. Если к утру Наб не вернется, сам Пенкроф вместе с Гербертом отправится его искать.

Гедеон Спилет согласился с мнением Пенкрофа. Разлучаться без крайней необходимости было бы неразумно. Герберту пришлось отказаться от своего плана, но две крупные слезы скатились из его глаз. Между тем буря разыгралась вовсю. С юго-востока налетел страшный ураган. Волны с ревом разбивались о кромку скал, выступавшую далеко в море. Дождь, разлетающийся от ветра в мелкие брызги, наполнял воздух жидким туманом. Казалось, клубы пара висят над берегом, по которому с грохотом перекачивалась галька; вздымаемый ураганом песок смешивался с дождем; воздух был пропитан минеральной и водяной пылью. Между устьем реки и гранью стены кипели огромные водовороты. Бурные вихри, возникавшие над омутом, не находя выхода, устремлялись в узкую долину, на дне которой бушевала река.

Дым от очага, сбиваемый ветром, наполнял все уголки пещеры, в которой нечем было дышать. Поэтому Пенкроф, как только тетерева изжарились, притушил огонь, оставив под золой несколько тлеющих углей.

В восемь часов Наба по-прежнему не было. И теперь можно было допустить, что ему помешала вернуться буря. Должно быть, он выжидал конца шторма, укрывшись в углублении под скалами. Выйти ему навстречу, попытаться его найти было в такую погоду невозможно.

Дичь была единственным блюдом на ужин. Все с удовольствием полакомились вкусным мясом тетеревов. Пенкроф и Герберт, проголодавшиеся после длинной прогулки, ели с особым аппетитом.

Пожинав, Пенкроф и его товарищи улеглись спать на тех же местах, где они провели прошедшую ночь. Герберт быстро уснул подле моряка, который растянулся перед очагом.

Вокруг все сильнее бушевала буря. Она не уступала по силе урагану, который принес воздухоплателей от Ричмонда к этой земле на Тихом океане. Во время равноденствия такие штормы нередки. Проносясь над широким океаном, они не встречают никаких преград и часто вызывают ужасные катастрофы. Ничем не защищенный с запада берег принял на себя главный удар страшной бури. К полуночи неистовый ураган достиг неописуемой силы.

К счастью, скалы, в которых нашли приют потерпевшие крушение, были крепки. Но даже эти огромные глыбы гранита как будто качались под напором бури. Пенкроф, опиравшийся рукой о стену, чувствовал, что она слегка содрогается. Но он повторял про себя, и не без основания, что тревожиться нечего и что их временное убежище не обрушится. Однако он слышал, как грохочут камни, сброшенные ветром с вершины плато. Некоторые из них долетали до верхней стены Труб и, ударившись о нее, разбивались на куски. Два раза моряк вставал и подползал к выходу, чтобы взглянуть, что делается снаружи. Убедившись, что эти незначительные обвалы не представляют никакой опасности, он снова ложился у очага, на котором слабо потрескивали угли, прикрытые пеплом. Несмотря на рев бури и грохот камней, Герберт крепко спал. В конце концов сон одолел и Пенкрофа, которого жизнь на море приучила ко всем капризам стихий. Только Гедеон Спилет, полный тревоги, бодрствовал. Он упрекал себя за то, что не пошел вместе с Набом. Как мы уже знаем, надежда еще не совсем оставила журналиста. Его волновали те же предчувствия, что и Герберта. Его мысли сосредоточились на Набе. Почему Наб не вернулся?

Гедеон Спилет лихорадочно метался на своем песчаном ложе и почти не слышал страшного завывания урагана. Иногда его отяжелевшие веки на минуту смыкались, но молниеносная мысль – и он почти тотчас же просыпался. Время шло. Должно быть, было около двух часов ночи, когда Пенкроф, успевший крепко заснуть, почувствовал, что его энергично расталкивают.

– Что такое? – вскрикнул он, просыпаясь и моментально, как все моряки, приходя в себя. Геден Спилет, склонившись над ним, повторял:

– Слушайте, Пенкроф, слушайте...

Моряк напряг слух, но ничего не услышал, кроме рева бури.

– Это ветер воет, – сказал он.

– Нет, – возразил журналист, – мне показалось, будто я слышал...

– Что?

– Лай собаки.

– Собаки! – вскричал Пенкроф, одним прыжком вскакивая на ноги.

– Да, отрывистый лай.

– Это невозможно! – воскликнул моряк. – Да и как вы могли при таком завывании бури...

– Вот, слушайте! – перебил его журналист. Пенкроф снова прислушался, и ему действительно показалось, что где-то раздался отдаленный лай.

– Ну что? – сказал Спилет, крепко сжимая его руку.

– Да, да, – взволнованно подтвердил Пенкроф.

– Это Топ! Это Топ! – вскрикнул Герберт, который тоже проснулся, и все трое бросились к выходу из Труб.

Выйти наружу оказалось нелегко – ветер валил с ног. Наконец это удалось, но, чтобы не упасть, приходилось стоять, прислонившись к скалам. Пенкроф, Спилет и Герберт молча смотрели вперед, не будучи в состоянии вымолвить ни слова. Было совершенно темно. Вода, земля и небо сливались в глубоком мраке. Казалось, ни единый атом света не проник в атмосферу. Несколько минут журналист и его товарищи стояли на месте. Песок слепил им глаза, они промокли до нитки и едва держались на ногах. В минуту затишья до них снова донесся лай, но, видимо, довольно далекий. Лаять мог только Топ. Но был ли он один или с кем-нибудь? Более вероятно, что один. Ведь если бы Наб находился с ним, он, конечно, не замедлил бы вернуться в Трубы.

Не рассчитывая, что журналист его услышит, Пенкроф сжал руку Спилета, как бы желая сказать: «Подождите!», – и вернулся в пещеру. Через минуту он снова вышел оттуда с несколькими зажженными ветками в руках и замахал ими, оглашая воздух пронзительным свистом. Как бы в ответ на этот сигнал, вновь послышался лай, на этот раз уже ближе, и через минуту в пещеру со всех ног вбежала собака. Пенкроф, Спилет и Герберт бросились следом за ней.

– Это Топ! – закричал Герберт.

Действительно, это был Топ – великолепный экземпляр смешанной англо-нормандской породы. От своих предков он унаследовал резвость ног и тонкое чутье – отличительные качества хорошей гончей.

Но собака Сайреса Смита была одна.

Ни ее хозяйина, ни Наба с ней не было. Каким же образом инстинкт привел ее к Трубам, где она никогда раньше не была? Это казалось совершенно необъяснимым, тем более в такую жуткую ночь и в такую бурю. Но вот что было еще непонятнее: Топ не выглядел ни измученным, ни усталым; он даже не испачкался в тине или в грязи.

Герберт привлек собаку к себе и обнял ее голову руками. Топ ласково терся мордой о руки юноши.

– Раз нашлась собака, найдется и ее хозяин, – сказал журналист.

– Идем! – воскликнул Герберт. – Топ укажет нам дорогу.

Пенкроф не возразил ни слова. Он хорошо понимал, что появление Топы могло опровергнуть его мрачные предсказания.

– Пошли, – сказал он.

Перед уходом Пенкроф заботливо прикрыл угли на очаге и, чтобы огонь не потух, положил под слой пепла несколько сухих кусков дерева. Затем, захватив с собой остатки ужина,

он бросился вслед за Топом, который отрывисто лаял, как бы приглашая его поторопиться. Геден Спилет и Герберт пошли за ним.

К этому времени буря достигла предела. Был период новолуния, и луна, находившаяся на одном меридиане с солнцем, не посылала земле ни одного луча света. Идти по прямому направлению становилось трудно; лучше всего было довериться инстинкту Топа. Геден Спилет и Герберт следовали за собакой, моряк замыкал шествие. Разговаривать было невозможно. Дождь был не очень силен, так как ветер рассеивал его струи, но ураган бушевал по-прежнему.

К счастью, одно обстоятельство сильно помогло моряку и его товарищам. Ветер дул с юго-востока и, следовательно, толкал их в спину. Тучи песка, вздымаемые штормом, налетали на путников сзади и не мешали их движению. Часто им приходилось даже бежать быстрее, чем они хотели бы, и ускорять шаги, чтобы не упасть. Но горячая надежда удваивала их силы, и теперь они шли не наобум. У них не было сомнения, что Наб нашел своего хозяина и послал за ними верного пса. Но найдут ли они Сайреса Смита живым или Наб призывает своих товарищей лишь затем, чтобы отдать последний долг несчастному инженеру?

Пройдя срезанную грань возвышенности, от края которой они из предосторожности отделились, Герберт, журналист и Пенкроф остановились, чтобы передохнуть.

Выступ скалы защищал их от ветра, и после пятнадцати минут почти непрерывного бега они наконец могли перевести дух.

Под прикрытием скалы можно было говорить и слышать друг друга. Когда юноша произнес имя Сайреса Смита, Топ отрывисто пролаял несколько раз, как бы давая понять, что его хозяин жив.

– Он спасен, он спасен! Топ, ведь правда? – повторял Герберт, и собака лаяла, словно в ответ.

Путники пошли дальше. Было около половины третьего ночи. Море снова начало наступать на берег; подгоняемый ветром прилив обещал быть очень сильным, как всегда в новолуние. Огромные валы с ревом разбивались о кромку скал и, вероятно, совсем затопляли маленький островок, не видимый во мраке. Широкая плотина из скал не могла прикрыть берега, который принимал на себя удары прибоя.

Как только моряк и его товарищи вышли из-за выступа скалы, ураган снова налетел на них со страшной яростью. Согнувшись и подставляя спину порывам ветра, они быстро шли вслед за Топом, который уверенно бежал вперед. Они двигались к северу. Справа от них тянулась нескончаемая гряда волн, с оглушительным грохотом разбивавшихся о скалы, слева – неизвестная местность, очертания которой нельзя было рассмотреть из-за темноты. Но эта местность, очевидно, была довольно плоской, так как ветер проносился у них над головами и не возвращался назад, как раньше, когда он встречал на своем пути гранитную стену.

К четырем часам утра путники прошли, по приблизительному подсчету, около пяти миль. Облака поднялись немного выше и уже не ползли по земле.

Ветер, по-прежнему налетающий резкими порывами, стал суше и холоднее. Пенкроф, Герберт и Геден Спилет были легко одеты и жестоко мерзли, но ни одна жалоба не сорвалась с их губ. Они твердо решили не отставать от Топа, куда бы ни повело их умное животное.

Около пяти часов начало светать. В зените, где тучи были не так густы, появились сероватые полосы, резко очерчивая края облаков. Вскоре под плотной пеленой тумана блеснул более светлый туч, и обрисовалась линия горизонта. Гребешки волн слегка посветлели, пена снова стала белой. Слева смутно виднелись неровности берега, выступая серыми контурами на черном фоне. В шесть часов утра было уже совсем светло. Облака, поднявшиеся довольно высоко, быстро бежали по небу. Пенкроф и его спутники находились в это время приблизительно в шести милях от Труб. Берег, по которому они шли, был совсем плоский; со стороны моря его окаймляла гряда скал, верхушки которых едва торчали из воды, так как было время наибольшего прилива. Местность слева была покрыта дюнами, усеянными колючим кустарни-

ком, и имела вид дикой песчаной пустыни. Очертания берега казались довольно однообразными, единственной преградой, защищавшей его от ярости океана, была цепь невысоких холмов. То тут, то там виднелись искривленные деревья, тянувшиеся ветвями к западу. Далеко сзади, на юго-западе, зеленела опушка леса.

Неожиданно Топ начал проявлять признаки волнения. Он то убегал вперед, то возвращался к Пенкрофу, как бы прося его ускорить шаги. Умная собака свернула влево и, повинаясь безошибочному инстинкту, уверенно направилась к дюнам. Пенкроф и его спутники последовали за нею. Вся окружающая местность казалась совершенно пустынной. Нигде не было видно ни одного живого существа.

Дюны были отделены от моря широкой полосой земли, покрытой прихотливо разбросанными пригорками и холмами. Это была как бы маленькая песчаная Швейцария, и чтобы, не заблудиться среди дюн, требовалось исключительное чутье.

После пятиминутной ходьбы журналист, Пенкроф и Герберт оказались перед своего рода пещерой, вырытой в задней стене высокой дюны. Тут Топ остановился и громко залаял. Спилет и его спутники вошли в этот грот. Посреди него они увидели Наба, стоящего на коленях. Подле него на травяной подстилке лежал человек.

Это было тело инженера.

Глава VIII

Жив ли Сайрес Смит? – Рассказ Наба. – Отпечатки ног. – Неразрешимый вопрос. – Первые слова инженера. – Следы узнаны. – Возвращение в Трубы. – Бедный Пенкроф!

Наб не пошевелился. Пенкроф бросил ему всего одно слово:

– Жив?

Ответа не последовало. Гедеон Спилет и Пенкроф побледнели. Герберт застыл на месте в полном отчаянии. Но было ясно, что бедный негр, поглощенный своим горем, не видел товарищей и не слышал слов моряка.

Журналист опустился на колени перед неподвижным телом Сайреса Смита и, расстегнув на нем одежду, приложил ухо к его груди. Прошла минута, – целый век! – пока Спилету удалось уловить едва слышное биение сердца.

Наб слегка выпрямился и смотрел перед собой невидящими глазами. Никогда человеческое лицо не выражало такое отчаяние. Наба нельзя было узнать – до того он был утомлен и измучен горем. Он думал, что его хозяин мертв.

Гедеон Спилет после долгого, внимательного исследования инженера поднялся на ноги и сказал:

– Жив!

Пенкроф, в свою очередь, опустился на колени возле Сайреса Смита. Его чуткое ухо также уловило слабое сердцебиение. Приложив губы к губам инженера, он почувствовал, что тот дышит.

Герберт, по знаку журналиста, бросился за водой. В ста шагах от пещеры он увидел небольшой ручеек, сильно раздувшийся от прошедших накануне дождей. Но воду не во что было взять – в дюнах не было ни одной раковины. Юноша погрузил в воду носовой платок и бегом возвратился в пещеру.

К счастью, этого влажного платка оказалось достаточно. Гедеон Спилет хотел лишь слегка смочить губы инженера. Несколько капель свежей влаги произвели мгновенное действие. Из груди Сайреса Смита вырвался вздох, и он невнятно пробормотал какую-то фразу.

– Мы спасем его! – сказал журналист.

При этих словах к Набу вернулась надежда. Он быстро раздел своего хозяина, чтобы посмотреть, не ранен ли он. На голове, груди и конечностях инженера не оказалось, однако, ни синяков, ни даже царапин, что было весьма удивительно, так как тело Сайреса Смита, несомненно, ударялось о скалы. Даже руки инженера были невредимы. Казалось непонятным, почему на них не осталось следов ударов о подводные камни.

Но это обстоятельство, конечно, должно было разъясниться впоследствии. Когда Сайрес Смит будет в состоянии говорить, он расскажет о том, что с ним случилось. Теперь же его надо возвратить к жизни. Энергичное растирание должно привести к этой цели.

Основательный массаж быстро согрел инженера, и он сделал легкое движение рукой. Дыхание его стало более правильным. Он, очевидно, погибал от истощения, и, не приди вовремя Гедеон Спилет со своими спутниками, Сайресу Смиту был бы конец.

– Ты, значит, думал, что твой хозяин мертв? – спросил Пенкроф Наба.

– Да, – ответил Наб. – Если бы Топ не нашел вас и не привел сюда, я бы похоронил моего хозяина и умер бы рядом с ним.

Как мы видим, жизнь Сайреса Смита действительно висела на волоске.

Потом Наб рассказал, что произошло. Накануне утром, покинув Трубы, он направился по берегу на север, достиг той части побережья, которую уже обследовали раньше. Там – по правде сказать, без всякой надежды – он вновь начал искать на песке и среди скал следы своего хозяина. Особенно внимательно он осмотрел часть суши, не достигаемую для волн,

так как на краю берега всякий след был бы смыт приливом и отливом, Наб не рассчитывал больше найти Сайреса Смита живым. Он хотел обнаружить хотя бы труп своего господина и собственными руками похоронить его.

Долго искал Наб, но его старания были напрасными. Этот берег, видимо, никогда не был обитаем людьми. Тысячи раковин, не унесенных морем и лежавших за чертой прилива, оставались нетронутыми. Ни одна из них не была раздавлена. На площади в двести-триста ярдов⁹ не видно было ни малейших признаков чьей-либо высадки.

Наб решил пройти еще несколько миль. Течение могло унести тело куда-нибудь дальше. Волны обычно выбрасывают на сушу труп, плавающий у плоского берега; Наб это знал, и ему хотелось в последний раз взглянуть на своего господина.

– Я прошел по берегу еще две мили, осмотрел прибрежные утесы и побережье и уже потерял надежду что-нибудь найти. И вдруг вчера, часов в пять вечера, я увидел отпечатки ног...

– Отпечатки ног! – воскликнул Пенкроф.

– Да, – подтвердил Наб.

– И эти отпечатки начинались у самых скал? – спросил журналист.

– Нет, – отвечал Наб, – у черты прилива. Между линией прилива и подводными камнями они, вероятно, стерлись.

– Продолжай, Наб, – сказал Геден Спилет.

– Когда я увидел эти отпечатки, я чуть с ума не сошел. Они были совершенно ясны и вели к дюнам. Я бежал по этим следам четверть мили, стараясь их не стереть. Через пять минут, когда уже темнело, я услышал лай собаки. Это был Топ. Он и привел меня сюда, к моему хозяину.

В заключение Наб рассказал, как тяжело ему было увидеть это бездыханное тело. Он пытался уловить в нем признаки жизни. Теперь, когда он нашел своего хозяина мертвым, ему так хотелось, чтобы он был жив! Но все его усилия оказались тщетны. Оставалось лишь отдать последний долг человеку, которого он так любил.

Наб вспомнил о своих товарищах. Им тоже, наверное, будет приятно в последний раз взглянуть на бедного Смита. Топ здесь. Что, если попробовать положить на чутье верного пса? Наб несколько раз произнес имя Гедена Спилета, которого Топ знал лучше, чем других. Потом он показал на юг, и Топ быстро умчался в этом направлении.

Мы уже знаем, как, руководясь инстинктом, который может показаться почти сверхъестественным, так как Топ никогда не бывал в Трубах, умная собака все же прибежала туда.

Товарищи Наба с величайшим вниманием слушали его рассказ. Им было совершенно непонятно, почему Сайрес Смит после долгой борьбы с волнами и перехода через подводные скалы не получил ни одной царапины. Столь же необъяснимым казалось и то, что инженеру удалось добраться до этой затерянной среди дюн пещеры, удаленной от берега больше чем на милю.

– Значит, это не ты, Наб, перенес сюда твоего хозяина? – спросил журналист.

– Нет, не я, – ответил Наб.

---

⁹ Ярд – мера длины, равная 91,44 сантиметра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.